МОСКВА · СЕВЕР · ВОЛГА

ПЯТНАДЦАТЬ ИСТОРИЙ РУССКОГО УЖАСА

НЕ ОТВЕЧАЙ ПОД ЗЕМЛЁЙ

Истории, которые слушают вместо тебя

Не читайте по ночам в пустой квартире

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ

ЖАРКОВ

18+

МОСКВА · 2024

Александр Жарков

НЕ ОТВЕЧАЙ ПОД ЗЕМЛЁЙ

https://litres.ru/74721288
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга попала к вам не случайно. Её не писал — её слушали.

Перед вами архив Аркадия Валерьевича Северина, собирателя историй, который четверть века записывал на плёнку то, о чём люди молчат. Пятнадцать исповедей — из московских подземелий, с северных погостов и волжских омутов. Пятнадцать голосов, которые отвечают на вопросы, которых никто не задавал.

Здесь не отвечают на стук в метро в час ночи. Не смотрят в зеркала, которые поворачиваются сами. Не спорят с тем, кто носит ваше лицо. И не читают вслух по ночам — особенно если слышат, что кто-то читает вместе с ними.

Каждая история начинается как городская легенда. Заканчивается — как признание. А между первой и последней плёнкой — тридцать лет, пятнадцать мест и одна просьба: не отвечайте. Что бы вы ни услышали. Где бы вы ни были. Не отвечайте.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. От составителя 6
Примечание к настоящему изданию 11
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СОСТАВИТЕЛЯ. 12
Первая плёнка: голос за стеной
I. МОСКВА ПОДЗЕМНАЯ 13
ЭТАЖ МЕЖДУ ЭТАЖАМИ 14
1 15
2 22
3 30
4 37
5 45
6 58
7 70
8 78
9 90
10 99
11 108
12 113
13 122
14 127
ЭПИЛОГ-ОТГОЛОСОК 133
Из материалов А. В. Северина 133
ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД ДО «ПЛОЩАДИ ТРЁХ 145

ВОКЗАЛОВ»
1 146
2 149
3 152
4 156
Конец ознакомительного фрагмента. 159

Александр Жарков
НЕ ОТВЕЧАЙ ПОД ЗЕМЛЁЙ

В этой книге названы места, которых нет на картах, и люди, чьи имена лучше не произносить вслух после заката. Если вы всё же решитесь читать — не читайте по ночам в пустой квартире. Особенно если услышите, что кто-то читает вместе с вами.

*

ПРЕДИСЛОВИЕ. От составителя

Меня зовут Аркадий Валерьевич Северин. По крайней мере, это имя значится в моём паспорте, на читательском билете Российской государственной библиотеки и в ведомостях научного архива, где я проработал девятнадцать лет. Недавно я обнаружил, что оно написано ещё в одном месте — на обратной стороне фотографии, сделанной в 1957 году.

На фотографии изображена группа работников Московского метрополитена. Восемь мужчин в пальто и одна женщина в тёмном платке стоят на фоне тоннеля. На лицах усталость, в руках керосиновые лампы. За ними нет ни рельсов, ни кабеля, ни кирпичной кладки — только ровная чёрная поверхность, похожая на водяную.

Седьмой слева — я.

Не человек, похожий на меня. Не родственник, о существовании которого я мог бы не знать. Именно я: с родинкой над левой бровью, кривым шрамом на подбородке и пальто, которое мне подарили на сорокалетие.

На обороте выведено химическим карандашом:

«Северин А. В. Вернулся без голоса. Оставить до следующего вызова».

Мне бы следовало уничтожить фотографию. Вместо этого

я начал собирать эту книгу.

Первые записи появились у меня задолго до того случая. Сначала это были обычные полевые материалы: рассказы метростроевцев, семейные предания жителей Севера, похоронные приметы, речные заговоры, истории о местах, куда не советуют ходить детям. Я интересовался ими профессионально. Мне нравилось находить общие сюжеты в разных регионах, сопоставлять варианты, прослеживать, как древнее поверье приспосабливается к городской квартире, вахтовому посёлку или подземному переходу.

Я считал, что страх — это форма памяти.

Теперь я думаю иначе: память — одна из форм, которую принимает то, что нас помнит.

В большинстве случаев я записывал рассказы со слов очевидцев или их близких. Некоторые эпизоды восстановлены по дневникам, служебным рапортам, магнитофонным плёнкам и медицинским картам. Имена части действующих лиц изменены. Названия нескольких населённых пунктов опущены не по требованию жителей, как можно было бы предположить, а потому, что при повторной проверке эти пункты переставали находиться там, где я их видел.

Я не прошу верить каждой истории.

Более того, советую не верить. Сомнение — крепкая дверь. Пока вы считаете происходящее совпадением, болезнью, чужой выдумкой, у вас остаётся возможность закрыть книгу и лечь спать. Только не пытайтесь проверить услышан-

ное на себе.

Не спускайтесь на остановившийся между этажами лифт, если за дверью слышны шаги.

Не отвечайте человеку, который зовёт вас по имени в тундре, даже если голос кажется знакомым.

Не принимайте из рук утопленника вещь, которую вы когда-то потеряли.

И никогда — подчёркиваю, **никогда** — не уточняйте у незнакомца, откуда он вас знает.

За годы работы я встречал людей, утверждавших, будто сами видели описываемые существа. Одни говорили охотно, почти весело, словно речь шла о соседях. Другие начинали плакать до того, как успевали что-нибудь рассказать. Третьи соглашались на беседу при условии, что я не стану включать диктофон. Именно их рассказы оказались наиболее подробными.

Отдельные свидетельства подтвердить не удалось.

Следователь Ольга Ветрова исчезла через неделю после нашей последней встречи. Её служебное удостоверение обнаружили в квартире, но зеркало из ванной комнаты было вынесено на лестничную площадку и аккуратно завёрнуто в простыню.

Биолог Тимофей Ларин, предоставивший материалы о северных станциях, перестал отвечать на письма осенью 2009 года. В декабре его адресат вернул мне конверт с пометкой «Выбыл», хотя сам Ларин продолжал присылать короткие

сообщения ещё три месяца. Во всех сообщениях повторялось одно предложение: **«Снег здесь не скрипит»**.

Свидетельницы по волжским историям я касаться не буду. Некоторые из них ещё живы. По крайней мере, по утрам они открывают ставни, топят печи и выходят к реке. Настаивать на большем я не вправе.

В этом издании истории расположены по географическому принципу: сначала Москва, затем Север, потом Волга. Такой порядок соответствует маршруту моих поездок. Но внимательный читатель заметит, что с каждым новым разделом рассказы становятся всё менее похожи на отдельные происшествия. В них начинают повторяться одни и те же фразы, имена и предметы: женский платок с вышитым угольником, запах мокрой краски, человек без отражения, семь ударов за стеной.

Не ищите в этом авторскую композицию.

Я лишь расположил материалы в хронологическом порядке.

Если при чтении вы услышите за окном голос, не подходите к стеклу. Если вам покажется, что кто-то переворачивает страницу раньше вас, не оглядывайтесь сразу. Дождитесь, пока звук повторится.

Иногда достаточно не показать, что ты услышал.

Иногда это спасает.

А. В. Северин

Москва, октябрь 2024 года

*

Примечание к настоящему изданию

Последняя рукопись Аркадия Северина поступила в редакцию без сопроводительного письма. Внутри конверта находились триста двенадцать машинописных страниц, четырнадцать аудиокассет, карта европейской части России и ключ от комнаты московской коммунальной квартиры.

Ключ не подошёл ни к одному адресу, указанному в архиве.

На карте синими чернилами отмечены пятнадцать мест. Шестнадцатая отметка сделана поверх самого конверта — уже после его запечатывания.

Редакция сохранила последовательность материалов и орфографические особенности рукописи. Пропущенные листы не восстанавливались.

*

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СОСТАВИТЕЛЯ. Первая плёнка: голос за стеной

Плёнка № 1. Запись сделана 17 февраля 1998 года. Помещение архива. Время на счётчике — 00:00–46:13.

Первые восемнадцать минут — шаги, скрип стула, шорох бумаги. Затем голос Северина:

— Если запись обнаружат до меня, прошу не стирать тишину. В тишине тоже есть речь. Надо только увеличить громкость.

На отметке 21:07 слышен звук лифта. Северин утверждал, что записывал материал ночью, на четвёртом этаже здания без лифта.

На отметке 32:44 второй голос произносит: «Она поднималась не к сыну».

Личность второго говорящего не установлена.

Далее следует расшифровка истории, записанной Севериным со слов Ольги Николаевны Ветровой.

I. МОСКВА ПОДЗЕМНАЯ

«В землю вошёл — не поклонись, из земли вышёл — не перекрестись. Под землёю свой бог, своё имя, своя очередь».

Из записей московских коллекторщиков, дата не установлена

ЭТАЖ МЕЖДУ ЭТАЖАМИ

На седьмой ночи лифт остановился между шестым и седьмым этажами. Двери открылись, и Ольга увидела собственную кухню. За столом сидел сын и пододвигал ей стул.

1

Дом на Оленьей улице стоял торцом к трамвайным путям, и каждую ночь, когда по рельсам проходил пустой вагон, оконные стёкла начинали дрожать. Звук был негромкий, но долгий: сначала отзывалась кухня, потом буфет в комнате Ветровых, затем зеркало в прихожей. Ольга научилась определять по этой дрожи, который час. В двенадцать сорок трамвай шёл из депо, в три пятнадцать — обратно. Между ними оставалось достаточно времени, чтобы заснуть, увидеть один и тот же сон и проснуться от ощущения, что кто-то стоит рядом с кроватью.

Она не боялась этого ощущения. За двадцать шесть лет следственной работы Ольга привыкла, что самые неприятные вещи случаются не во тьме, а при ярком свете: в обеденный перерыв, у дверей школы, на лестничной площадке с облезшей голубой краской, среди выставленных для просушки детских ботинок. Тьма лишь прятала детали. А детали всегда можно было восстановить.

По крайней мере, раньше она так думала.

В феврале девяносто восьмого Ольге исполнилось пятьдесят два. Она была старшим следователем, носила очки в тонкой металлической оправе, коротко стриглась и предпочитала тёмные костюмы без украшений. Коллеги считали её сухой. Подследственные — внимательной. Она умела мол-

чать так, что собеседник начинал заполнять паузу сам, и часто именно в этих паузах обнаруживалась ложь.

В последние месяцы молчание перестало ей помогать.

Оно стало слишком плотным.

Ольга ловила себя на том, что задерживает дыхание, слушая, как тикают часы на кухне. Часы были старые, «Янтарь», с жёлтым циферблатом и треснувшим стеклом. Их подарил муж, Геннадий, ещё до рождения Антона. После смерти сына часы иногда останавливались ровно в 2:17 — время, указанное в акте осмотра. Ольга несколько раз относила их к часовщику. Тот менял пружину, чистил механизм, уверял, что всё исправно. Она забирала часы, вешала на стену, и неделю-другую всё было нормально.

Потом стрелки снова замирали.

— Выбросила бы, — говорил Геннадий.

— Они идут.

— Ты сама говоришь, что не идут.

— Иногда идут.

Он пожимал плечами и уходил в комнату. Геннадий работал слесарем на заводе точных приборов, а после сокращения брал частные заказы. Люди приносили ему утюги, мясорубки, замки, электробритвы. Он разбирал их на кухне, раскладывая винтики по спичечным коробкам. В каждой вещи находил поломку. В собственной жизни — нет.

Антон погиб в августе, за полгода до описываемых событий. Двадцать один год, студент третьего курса, вечерняя

смена в автосервисе. Возвращался домой на маршрутке. Водитель не справился с управлением. Четверо погибших, девять раненых. Ольга была на выезде, когда ей позвонили. Номер сына она узнала не сразу — телефон Геннадия почему-то отображался как «неизвестный».

В акте осмотра она прочитала всё: положение тела, повреждения, температуру воздуха, марку разбившихся часов, найденных среди вещей. Не смогла прочитать только одну строчку — «личность установлена со слов отца».

Геннадий опознал его.

Ольга не пошла.

Она сказала себе, что это профессиональная предосторожность: ей не следовало находиться там, чтобы потом не мучиться лишними образами. Но на самом деле она боялась, что увидит лицо сына спокойным. Что не найдёт в нём ни боли, ни удивления, ни вопроса. Тогда пришлось бы признать: он ушёл, не позвав её.

После похорон Геннадий сложил вещи Антона в две коробки и вынес в кладовку. Ольга вернула их через день. Муж не спорил. Они расставили книги по полкам, повесили куртку в шкаф, поставили кроссовки под кроватью. Сделали вид, что сын уехал ненадолго.

В его комнате никто не спал.

Дверь держали открытой.

Первый сигнал появился в начале февраля.

Ольга вернулась с работы около десяти вечера. В квартире

пахло подгоревшей картошкой и машинным маслом. Геннадий сидел за кухонным столом, разбирая будильник.

— Ты сегодня пользовалась лифтом? — спросил он, не поднимая головы.

— Нет. А что?

— Там объявление висит.

— Какое?

— Сама посмотри.

На первом этаже, рядом с почтовыми ящиками, действительно висел листок. Его приклеили поверх старого объявления о пропаже кошки. Бумага была жёлтая, по краям влажная, хотя снега в подъезде не было.

Текст напечатали на пишущей машинке:

Уважаемые жильцы! ***В связи с неисправностью лифтового оборудования просим не пользоваться кабиной с 02:00 до 04:00. Если кабина остановилась между этажами, не пытайтесь открыть двери самостоятельно. Не отвечайте лицам, находящимся снаружи. Диспетчер знает о вашем положении.*** *Диспетчер всегда знает.*

Подписи не было. Вместо печати стоял маленький чёрный квадрат.

Ольга сорвала объявление и принесла домой.

— Это чья-то шутка, — сказала она.

Геннадий посмотрел на листок поверх отвёртки.

— Может, и шутка.

— Ты кого-нибудь видел рядом?

— Нет.

— Лифт работал?

— Я не ездил.

— Тогда зачем спросил?

Он снова наклонился над будильником.

— Так, спросил.

Ольга хотела продолжить, но заметила, что его пальцы дрожат. Не сильно — едва заметно. У Геннадия всегда были устойчивые руки. Он мог зажать тончайшую проволоку пинцетом и держать её неподвижно несколько минут.

Она положила объявление на стол.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет.

— Гена.

— Я сказал — нет.

Из комнаты Антона донёсся короткий стук.

Они оба подняли головы.

Стук повторился: три удара по дереву, потом пауза, потом ещё четыре.

Геннадий встал так резко, что стул отъехал и ударился о батарею.

— Сиди, — сказала Ольга.

— Это окно.

— Окно закрыто.

— Значит, рама.

Она прошла первой.

В комнате сына было холодно. Шторы чуть шевелились, хотя форточка действительно оказалась закрытой. На столе лежали учебники, тетрадь в зелёной обложке, оловянный солдатик с отбитой ногой. Рядом стояла кружка, которую Ольга никак не решалась вымыть. На её дне засохло чайное пятно.

Стук шёл от шкафа.

Ольга остановилась перед ним. Лакированные дверцы отражали окно и её собственную фигуру. Из-за тёмного стекла лицо казалось разрезанным пополам.

— Антон? — сказал за её спиной Геннадий.

Она обернулась.

Муж стоял в дверях. Его лицо было серым.

— Зачем ты это сказал?

Он не ответил.

Стук повторился. Семь ударов. Три — четыре.

Ольга распахнула шкаф.

Внутри висели рубашки, куртка, старый школьный пиджак. На нижней полке лежали ботинки. Всё было на своих местах.

Потом из глубины шкафа выпал шарф.

Серый, вязаный, с красной полосой на конце. Антон носил его в последний день. Ольга видела этот шарф среди вещдоков — на фотографиях. Он был разрезан, когда врачи

пытался добраться до ран. После следствия его должны были вернуть вместе с остальными вещами, но Геннадий сказал, что ничего не забирал.

Ольга наклонилась и подняла шарф.

Он был сухой и тёплый.

Словно его только что сняли с шеи.

*

2

На следующее утро Ольга пошла к лифтёру.

В доме жил один штатный лифтёр, Матвей Савельевич Краснов, человек неопределённого возраста с воспалёнными веками и аккуратной, почти военной выправкой. Он занимал комнату рядом с мусоропроводом на первом этаже, хотя по документам значился лишь дежурным, а не жильцом. Соседи говорили, что он появился здесь раньше нынешней управляющей компании, раньше капитального ремонта и, возможно, раньше половины нынешних жильцов.

Его дверь была обита чёрным дерматином. На уровне глаз кто-то прибил жестянку с надписью: **«Не стучать. Слышу»**.

Ольга постучала.

Дверь открылась сразу, будто Краснов стоял по другую сторону.

— Что случилось? — спросил он.

— Нужно поговорить о лифте.

— Лифт работает.

— Вот это вы вешали?

Она протянула объявление.

Краснов посмотрел не на бумагу, а на её пальцы.

— Где взяли?

— У почтовых ящиков.

— Не я.

— Тогда, может быть, знаете, кто.

— Зачем?

Ольга чуть помедлила.

— Вы лифтёр или задаёте вопросы вместо следователя?

Краснов поднял глаза. Вблизи оказалось, что один его зрачок заметно шире другого.

— Вы из милиции?

— Из прокуратуры.

— А-а.

Он посторонился, пропуская её внутрь.

Комната была тесной и удивительно чистой. Вдоль стены стояла железная кровать, покрытая солдатским одеялом. На табурете лежали инструменты, каждый завёрнут в отдельную тряпку. Над кроватью висела схема лифтовой шахты, испещрённая карандашными пометками. В углу шипел керосиновый обогреватель, хотя батарея под окном была горячей.

Пахло мокрой ватой.

— Садитесь, — сказал Краснов.

Ольга осталась стоять.

— Вчера ночью лифт кто-нибудь вызывал?

— Вызывали.

— Кто?

Он указал на потолок.

— Сверху.

— Это не ответ.

— Сверху всегда вызывают. Внизу только входят.

Она взглянула на схему. Между шестым и седьмым этажами карандашом была обозначена узкая прямоугольная площадка. Рядом стояла цифра «6½», зачёркнутая несколько раз.

Ольга достала очки.

— Что это?

Краснов проследил её взгляд.

— Старая разметка.

— На схеме тринадцать этажей?

— Дом четырнадцатиэтажный.

— Здесь пятнадцать отметок.

— Одна техническая.

— А эта?

Она указала на «6½».

Краснов подошёл к стене и снял схему.

— Бумага старая. Сводит.

Он свернул её в трубочку, не глядя на Ольгу.

— Скажите, вы вчера слышали стук? — спросила она.

— В какое время?

— Около одиннадцати.

— В доме всегда стучат.

— Семь ударов. Три, потом четыре.

Рука Краснова остановилась на схеме.

В комнате стало тихо. Шипел обогреватель. За стеной капала вода. Где-то в глубине шахты лязгнул трос.

— Не открывайте шкаф, — сказал он.

Ольга почувствовала, как по спине пополз холод.

— Почему?

— Если ещё раз стукнет.

— Откуда вы знаете про шкаф?

Краснов положил схему на кровать.

— Вы пришли про объявление. Я сказал: не я вешал. Больше ничего не знаю.

— Вы меня не слышали?

— Слышу я хорошо. Поэтому и говорю.

Он открыл дверь.

Ольга не двинулась с места.

— Матвей Савельевич, у меня погиб сын.

Эти слова вышли сами. Она не собиралась их произносить, тем более здесь, перед незнакомым человеком. Но в тесной комнате, пахнувшей керосином и ватой, они прозвучали естественно, как показания.

Краснов опустил голову.

— Знаю.

— Откуда?

— Весь дом знает.

— Вчера в его комнате был стук. Сегодня вы говорите мне не открывать шкаф. Я хочу понять, что это значит.

Он долго молчал. Потом закрыл дверь, подошёл к окну и задёрнул занавеску.

— Ваш сын в последнее время лифтом пользовался?

Ольга не ожидала вопроса.

— Пользовался. Как все.

— Ночью?

— Иногда.

— Один?

— Я не знаю.

— Он вам не рассказывал?

— Что должен был рассказать?

Краснов провёл ладонью по лицу. Кожа на его щеках была дряблой, но под ней двигались крепкие мышцы.

— Про остановку.

Ольга почувствовала сухость во рту.

— Какую остановку?

— Между шестым и седьмым.

Она вспомнила вечер за неделю до гибели Антона. Сын сидел на кухне, вертел в руках зажигалку, хотя не курил при ней. Она спросила, почему он такой рассеянный. Он ответил: «Лифт странно стал работать». Ольга тогда готовила материалы к заседанию и не расспросила.

— Он говорил что-то, — сказала она. — Один раз. Я не слушала.

Краснов посмотрел на неё с выражением, которого она не могла вынести: не сочувствие, не осуждение, а узнавание.

— Вот как.

— Объясните.

— Некоторые слышат, некоторые видят. Сначала остановка. Потом голос. Потом дверь. Если дверь открылась — всё.

— Что — всё?

— Дальше уже не лифт.

Ольга сжала ремешок сумки.

— Вы говорите загадками.

— Я говорю, как умею.

— Кто находится между этажами?

— Этаж.

— Это не ответ.

— Ответ вам не поможет.

— А моему сыну помог бы?

Краснов вздрогнул.

Она сразу пожалела о сказанном, но отступать не стала.

— Матвей Савельевич, если вы знаете что-то о его гибели…

— Я не про гибель, — резко сказал он. — Гибель — это у вас, наверху. Документы, свидетели, время смерти. Я про то, что до.

— Что было до?

Он подошёл ближе. Теперь запах мокрой ваты стал почти непереносимым.

— Если услышите его из шахты, не отвечайте. Если увидите за дверью — не узнавайте. Если позовёт по имени — молчите. И дома тоже молчите. Особенно дома.

— Почему?

— Потому что сначала оно приходит за теми, кто согласился подняться. Потом возвращается к тем, кто ждёт.

Где-то над ними загудел лифт.

Краснов замолчал, подняв лицо к потолку. Ольга тоже прислушалась. Кабина шла с нижних этажей, медленно, с короткими остановками. На третьем загудел сигнал. На четвёртом скрипнули двери. На пятом кто-то закашлял.

Потом лифт остановился.

Диспетчерский репродуктор над дверью комнаты щёлкнул.

Из него донеслось слабое потрескивание.

А затем мужской голос произнёс:

— Матвей Савельевич, откройте. Это Антон Ветров.

Краснов побелел.

Ольга рванулась к двери, но он перегородил путь.

— Нет.

— Это запись.

— Нет.

— Вы что, не понимаете? Кто-то играет…

— Тихо.

Голос повторил:

— Матвей Савельевич, я знаю, что вы слышите. У меня мама у вас.

Ольга перестала дышать.

Это был голос Антона.

Не похожий. Не напоминающий. Его собственный голос с лёгкой хрипотцой, появлявшейся после простуды, с привычкой чуть растягивать последнее слово.

— Ма, — сказал репродуктор. — Ты почему не отвечаешь?

Краснов закрыл ей рот ладонью.

Его рука пахла железом.

— Не отвечайте, — прошептал он. — Сейчас особенно нельзя.

— Ма, я же вижу тебя.

Репродуктор щёлкнул.

Из шахты донеслось семь ударов.

Три.

Четыре.

Потом всё стихло.

*

3

Весь день Ольга пробыла на работе, но не могла сосредоточиться. Она читала протокол допроса и видела перед собой не слова свидетеля, а схему шахты с зачёркнутой отметкой. Дважды переспрашивала секретаря. Во время совещания забыла фамилию подследственного, хотя вела дело три месяца.

Коллега, Игорь Самарин, заметил её состояние.

— Ты бы отгул взяла, — сказал он, когда они остались в кабинете одни.

— С чего вдруг?

— С того, что ты третий раз подписываешь один и тот же лист.

Ольга посмотрела вниз. На столе лежали три копии постановления. На каждой стояла её подпись.

— Задумалась.

— Вижу.

Он закрыл дверь и сел напротив.

Игорю было сорок девять. Они начинали работать почти одновременно, вместе ездили на ночные осмотры, делили казённый чай и однажды шесть часов просидели в машине, ожидая задержания. Он был одним из немногих, кто после смерти Антона не пытался утешать её общими словами. Просто приносил работу, иногда оставался допоздна, молча пе-

рекладывал папки.

— Это из-за сына? — спросил он.

— Нет.

— Оль.

— Я сказала — нет.

Он кивнул.

— Хорошо.

Она сняла очки, потёрла переносицу.

— Ты веришь, что человек может слышать голос умершего?

— В смысле?

— В прямом.

— Нет.

— Совсем?

— Я верю, что человек может слышать всё, что угодно, если достаточно долго не спит. Особенно голос того, кого потерял.

— А если его слышит ещё один человек?

Игорь не ответил сразу.

— Кто-то записал?

— Не знаю.

— Тогда это розыгрыш, наведение, аудиогаллюцинация. Выбирай, что тебе спокойнее.

— Мне не спокойно ни с одним.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Что случилось?

Ольга рассказала. Не всё: умолчала о тёплом шарфе и о словах «оно возвращается к тем, кто ждёт». Но про объявление, стук и голос в репродукторе рассказала подробно, почти официально. Игорь слушал, не перебивая.

Когда она закончила, он достал из ящика сигареты.

— Здесь нельзя, — машинально сказала Ольга.

— У себя можно.

Он закурил, открыл форточку. В кабинет потянуло февральским холодом и сажей.

— Фамилия лифтёра какая?

— Краснов. Матвей Савельевич.

— Проверить надо.

— Я проверила. В домовой книге есть. Семьдесят второго года рождения.

— Сколько же ему? Двадцать шесть?

Ольга покачала головой.

— На вид под семьдесят.

— Может, отец.

— Отец умер.

— Откуда знаешь?

— Там же отметка.

Игорь затушил сигарету, хотя сделал всего две затяжки.

— Дай адрес. Я завтра подъеду.

— Зачем?

— Поговорю с ним.

— Он не станет.

— Со мной, может, станет. Я не такой страшный.

Ольга попыталась улыбнуться, но не смогла.

— Не надо завтра. Сегодня.

— Хорошо. После работы.

Она покачала головой.

— Сейчас.

Они выехали через двадцать минут.

По дороге Игорь расспрашивал о доме. Ольга отвечала коротко. За окном таял грязный снег. Трамваи ползли мимо, сверкая мокрыми стёклами. У остановки женщина в коричневом платке держала за руку мальчика. Мальчик смотрел прямо на машину. На секунду Ольге показалось, что у него лицо Антона в детстве: круглые щёки, светлые брови, шапка, съехавшая набок.

Она повернулась, но машина уже проехала.

— Не спала? — спросил Игорь.

— Нет.

— Сколько?

— Не помню.

Он больше ничего не сказал.

Краснова не оказалось на месте.

На его двери поверх надписи «Не стучать. Слышу» висела ещё одна:

«Ушёл в шахту. Не ждать».

Ольга постучала. Никто не ответил.

— Вскрывать будем? — спросил Игорь.

— На каком основании?

— На основании того, что ты меня сюда притащила?

— Нет.

Она подошла к лифту. Двери были закрыты. Над ними тускло светился индикатор: **7**.

Ольга нажала кнопку вызова.

Индикатор сменился на **6**.

Потом на **6½**.

Игорь перестал улыбаться.

— Таких кнопок нет, — сказал он.

— Я знаю.

Цифра исчезла. Несколько секунд индикатор оставался тёмным, затем показал **1**.

Двери открылись.

Кабина была пуста.

На полу лежал мокрый след. Не цепочка следов, а один длинный отпечаток босой ступни, вытянутый так, будто человек стоял на носке и волочил пятку.

Игорь наклонился.

— Вода?

Ольга опустилась на корточки. След был почти прозрачный. От него пахло мокрой краской.

— Не трогай, — сказала она.

— Я не собирался.

Из глубины кабины донеслось лёгкое поскрипывание. На зеркальной задней стенке появилась полоса, словно кто-то

провёл пальцем по запотевшему стеклу. Затем другая. Третья.

Складывались буквы.

НЕ ОН.

Двери начали закрываться.

Ольга сделала шаг вперёд. Игорь схватил её за локоть.

— Ты куда?

— Он пишет, что это не он.

— Кто?

Она смотрела на стену. Буквы уже исчезали.

— Антон.

Двери закрылись.

Лифт не двинулся. Несколько секунд за ними слышалось ровное гудение. Потом раздался голос диспетчера — женский, вежливый:

— Не создавайте препятствий для работы дверей.

Они стояли по обе стороны.

— Мы ничего не делаем, — сказал Игорь.

Голос повторил:

— Не создавайте препятствий для работы дверей.

На этот раз интонация изменилась. Слова стали ниже, медленнее. В последнем слове послышалось чьё-то дыхание.

Игорь ударил кулаком по панели.

Гудение прекратилось.

В подъезде стало очень тихо.

Ольга обернулась к двери Краснова. Под ней показалась

тонкая полоса воды.

Она медленно поползла к порогу лифта.

*

4

Вечером Игорь настоял, чтобы Ольга переночевала у него. Она отказалась.

— Гена один.

— Пусть съездит с тобой.

— Он не поедет.

— Тогда я останусь.

— Не нужно.

— Ольга, ты видела то же, что и я?

Она застегнула пальто.

— Да.

— Что именно?

— Надпись.

— Только надпись?

Она вспомнила воду под дверью, голос, след на полу. Но говорить об этом снова означало признать, что всё произошло наяву.

— Мне нужно домой.

Игорь вздохнул.

— Хорошо. Я довезу.

Дома Геннадий сидел в комнате Антона.

На столе горела настольная лампа. Перед ним лежал серый шарф. Геннадий держал его обеими руками, расправив на коленях, словно собирался штопать.

Ольга остановилась в дверях.

— Ты его откуда взял?

Муж поднял голову.

— Из шкафа.

— Он был в шкафу?

— Ты сама положила.

— Я не клала.

— Я видел.

— Когда?

— Вчера. Ты стояла тут ночью.

Ольга почувствовала, как в животе стало холодно.

— Я спала.

Геннадий посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты разговаривала с ним.

— С кем?

Он кивнул на шкаф.

Ольга подошла ближе.

— Что ты несёшь?

— Не кричи.

— Я не кричу.

— Он не любит, когда кричат.

Она опустилась перед ним на корточки. Руки Геннадия были в мелких царапинах. Под ногтями застряла краснова-тая пыль.

— Гена, посмотри на меня.

Он посмотрел.

— С кем я разговаривала?

— С Антоном.

— Антона нет дома.

Он улыбнулся. Это была страшная, незнакомая улыбка — виноватая и радостная одновременно.

— Есть. Просто он теперь не всегда выходит.

Ольга взяла его за руку.

— Пойдём спать.

— Он придёт за шарфом.

— Положи его на стол.

— Нельзя. Он мёрзнет.

Она попыталась забрать шарф, но Геннадий вдруг сжал его с такой силой, что побелели пальцы.

— Не трогай!

— Хорошо. Хорошо, не трогаю.

Они сидели друг напротив друга. За окном прошёл трамвай. Задрожали стёкла, зеркало, дверцы шкафа. В этой дрожи Ольге послышались шаги: кто-то медленно прошёл от окна к двери.

Геннадий наклонился к ней.

— Ты слышала вчера? — прошептал он.

— Что?

— Он сказал, что не виноват.

— В чём?

— Что открыл.

Ольга закрыла глаза.

На секунду ей стало невыносимо жаль мужа. Захотелось обнять его, сказать, что это болезнь, что горе может ломать человека самым странным образом, что завтра они найдут врача, уедут, сменят квартиру. Но тут Геннадий добавил:

— Он ведь звал тебя. А ты молчала.

Она открыла глаза.

— Когда?

— Тогда. В августе. Он сказал, что звал.

Ольга встала.

В комнате стало трудно дышать.

— Он не мог тебе этого сказать.

— Почему?

— Потому что он умер сразу.

Геннадий перестал улыбаться.

— Кто тебе сказал?

— Врачи.

— А ты видела?

Она не ответила.

— Ты же не пошла, — сказал он. — Ты не видела.

Ольга вышла из комнаты.

На кухне она налила стакан воды, но не смогла пить. Руки стали чужими. Она поставила стакан на стол, села и закрыла лицо ладонями.

В августе ей сказали, что Антон погиб мгновенно. Ей сказали, что он не мучился. Это должно было утешать. Она повторяла эти слова другим, как заклинание: «Он ничего не

почувствовал». Но Геннадий был прав в одном — она не видела тела. Она доверилась документам. Всю жизнь доверяла документам, а теперь один листок бумаги стал между ней и сыном стеной.

Часы тикнули.

Ольга посмотрела на них.

2:17.

Стрелки не двигались.

Из подъезда донесся гул лифта.

Она подняла голову.

Кабина поднималась. Сначала медленно, потом быстрее. Остановилась на их седьмом этаже. Щёлкнули двери.

Пауза.

Потом кто-то три раза нажал кнопку звонка в их квартиру.

Ольга не двинулась.

Геннадий позвал из комнаты:

— Это он.

— Не открывай.

Звонок повторился.

— Ольга, он замёрз.

— Не открывай!

Она бросилась в прихожую, но муж уже стоял там. Рука его лежала на замке.

За дверью кто-то тихо сказал:

— Пап.

Геннадий повернул ключ.

Ольга ударила его по руке.

— Нет!

За дверью молчали.

Потом голос Антона произнёс совсем близко:

— Ма, я всё равно войду. Ты же знаешь.

Геннадий отшатнулся.

Ольга встала перед дверью.

— Ты не мой сын.

Сказала и почувствовала, как что-то оборвалось внутри.

За дверью вздохнули.

— Ма, зачем ты так?

— Мой сын не просит открыть. Он знает, где ключи.

Молчание.

— У меня отобрали.

— Кто?

— Та, что внизу.

Ольга посмотрела на Геннадия. Он стоял, прижав шарф к груди.

— Что она хочет? — спросила Ольга, прежде чем успела вспомнить предупреждение Краснова.

Голос за дверью изменился.

Стал мягче.

— Чтобы ты посмотрела.

В дверном глазке что-то шевельнулось.

Ольга не хотела подходить. Она понимала, что нельзя, что именно этого от неё ждут. Но в прихожей пахло мокрой крас-

кой, и это был запах квартиры после ремонта, запах детства Антона, запах лета, когда они втроём красили стены и сын вывел валиком на обоях своё имя. Потом его долго ругали. Потом закрасили. А буквы проступали ещё несколько лет.

Она подошла к глазку.

Сначала увидела только лестничную площадку. Лампа горела тускло. На стене висел щиток. Лифт стоял с открытыми дверями.

Потом внизу глазка появилось лицо.

Оно было слишком близко и слишком низко, будто человек стоял на коленях.

Антон смотрел снизу вверх.

Его кожа имела серый оттенок, волосы слиплись от воды. На шее виднелся разрез, закрытый краем серого шарфа. Того самого шарфа, который Геннадий держал в руках.

— Ма, — сказал он беззвучно, одними губами.

Ольга прижала ладонь ко рту.

Лицо в глазке улыбнулось.

И тогда она поняла, что это не Антон.

У её сына на верхней губе, слева, была маленькая родинка. На фотографиях её почти не видно, но Ольга помнила. У этого лица родинки не было.

Она отступила.

— Гена, отойди от двери.

Муж не шевельнулся.

— Гена!

Он поднял на неё глаза.

— А если это он, но не весь?

За дверью начали скрести.

Медленно, тяжело, будто по металлу тащили ноготь.

Ольга взяла мужа за плечи и оттащила в комнату. В этот момент свет погас.

Не только в квартире — на всей лестничной площадке. В глазке стало чёрным.

Из темноты прихожей донёсся щелчок.

Замок открылся.

*

5

Дверь не распахнулась.

Она осталась прикрытой, но в щель потянуло холодом. Не уличным, а глубоким, земляным. На полу появились мокрые следы — один за другим, хотя никого видно не было. Они двигались от порога к комнате Антона.

Геннадий вскрикнул.

Ольга зажала ему рот ладонью.

— Молчи.

Следы остановились в дверях.

На обоях проступила тёмная фигура. Не тень — скорее отсутствие цвета, силуэт, внутри которого стены казались глубже, чем были.

Геннадий задрожал.

Из комнаты Антона послышался стук.

Три.

Четыре.

Фигура на обоях повернула голову.

Ольга почувствовала запах мокрой краски так отчётливо, что стало тошно.

Потом раздался голос. Теперь он шёл не из прихожей, а из шкафа.

— Ма, он меня не пускает.

Геннадий вырвался и бросился туда.

— Антон!

Ольга схватила его за ремень, но не удержала. Муж влетел в комнату, распахнул шкаф.

Внутри никого не было.

Только одежда и задняя стенка, покрытая каплями воды.

Геннадий прижался лицом к вешалкам.

— Где ты?

— Папа, — донеслось из глубины. — Тут темно.

Он полез в шкаф.

Ольга увидела, как задняя стенка подалась под его плечом. Не открылась, не сломалась — именно подалась, как влажная фанера. За ней обозначился узкий проход.

Она закричала:

— Гена, назад!

Муж уже просунул голову внутрь.

Ольга схватила его за ноги. На мгновение показалось, что она удержит. Потом из шкафа донёсся короткий всхлип, и Геннадий рванулся вперёд с такой силой, что она упала.

Когда она поднялась, в шкафу оставались только его тапочки.

Один стоял на полке. Другой лежал на полу комнаты.

— Геннадий!

Она полезла следом.

Проход был узким. Стены холодные, шероховатые. Пальцы касались кирпича, мокрой штукатурки, чего-то мягкого и волокнистого. Воздух пах ржавчиной и пылью. Свет из

комнаты быстро исчез за спиной, хотя Ольга ползла всего несколько секунд.

Впереди слышалось дыхание Геннадия.

— Стой, — прошептала она.

— Он там.

— Гена, стой!

Дыхание остановилось.

Она нащупала его ботинок — потом поняла, что он был в тапочках. Значит, под пальцами оказалась чужая обувь.

Ольга отдёрнула руку.

В темноте кто-то сказал:

— Тише. Он только заснул.

Это был женский голос.

Ольга попятилась.

Проход стал уже. Она попыталась развернуться, но локоть упёрся в стену. Колено провалилось куда-то вниз. Под ногой оказалась ступенька.

Она спустилась.

Свет появился внезапно — тусклый жёлтый свет, как в лифте. Ольга стояла на маленькой площадке. Перед ней была металлическая дверь без ручки. Справа на стене виднелась табличка:

ЭТАЖ 6½

ПОСТОРОННИМ НЕ ВЫХОДИТЬ

Из-за двери доносились голоса.

Десятки голосов.

Они говорили тихо, вполголоса, перебивая друг друга. Некоторые звали детей. Некоторые просили передать, что скоро вернутся. Кто-то плакал. Кто-то повторял адрес. Очень далеко женщина настойчиво вызывала лифт.

Ольга подошла ближе.

— Она не должна здесь быть, — сказал мужской голос.

Она узнала Краснова.

— Гена! — позвала она.

Дверь приоткрылась.

За ней оказалась их кухня.

Та самая кухня: жёлтые часы на стене, скатерть в клетку, чайник, разобранный будильник. За столом сидел Геннадий. Рядом с ним — Антон.

У сына было мокрое лицо, но живые глаза. Он смотрел на Ольгу с таким испугом, что у неё перехватило дыхание.

— Ма, не входи, — сказал он.

Она остановилась на пороге.

— Антон…

— Не входи. Она ждёт, когда ты сядешь.

За столом стоял третий стул.

На нём лежал серый шарф.

Геннадий посмотрел на Ольгу. По его щекам текли слёзы.

— Он говорит, ты не пришла, — произнёс он.

— Куда?

— Тогда. В больницу. Он был жив ещё.

Антон покачал головой.

— Пап, не надо.

— Он звонил, Ольга. У него было время. Он просил тебя.

Она стояла, не чувствуя ног.

— Это неправда.

Геннадий достал из кармана сложенный листок.

— Мне дали. Там номер. Твой номер. Два звонка.

Он протянул бумагу.

Ольга сделала шаг.

Антон вскочил.

— Ма, не бери!

Она замерла.

В этот момент она увидела его руки. На правой не хватало двух пальцев. Не было ни раны, ни крови — просто рука заканчивалась ровной серой поверхностью, как незаконченный слепок.

Антон спрятал руку за спину.

— Не смотри.

— Что с тобой?

— Я же говорил, не открывай.

Ольга заплакала. Без звука, почти не замечая слёз.

— Прости.

Он опустил голову.

— Ты всегда так. Тебе надо проверить.

— Я не знала.

— А я говорил.

— Прости.

Геннадий снова протянул листок.

— Посмотри. Ты всегда хотела доказательства.

Ольга посмотрела на бумагу. На ней была знакомая бланочная шапка. Акт осмотра. Время смерти. Подпись врача. Ниже — отметка о звонках.

Она потянулась.

Кухня качнулась.

Часы на стене пошли назад.

Антон крикнул:

— Не надо!

Из-под стола выскользнула женская рука.

Она была длинной, бледной, с пальцами, сгибающимися в нескольких местах. На запястье висел узел из чёрных ниток. Рука легла на край стола, потом другая. Кто-то медленно поднялся из-под скатерти.

Сначала появился платок — коричневый, с вышитым белым угольником.

Потом лицо.

Оно было гладким, без глаз, носа и рта. Только влажная кожа, натянутая на череп.

Геннадий встал.

— Она пришла за тобой, — сказал он Ольге.

Женщина в платке наклонила голову набок.

На её лице проступил рот.

Не открылся — именно проступил, как буквы на зеркале лифта.

— Посмотри, — сказала она голосом Ольги.
Ольга схватила Антона за руку.
Она ожидала холода, но кожа сына была тёплой. Живой.
— Пошли.
Он не двинулся.
— Нельзя.
— Пошли со мной!
— Ма, я уже тут.
Женщина в платке подняла руку и указала на третий стул.
— Сядь.
Геннадий сел обратно.
— Гена, встань!
Он посмотрел на неё с удивлением.
— Зачем?
— Мы уходим.
— Куда?
— Домой.
Он оглядел кухню.
— Мы дома.
Женщина пододвинула стул.
Ножки проскрежетали по полу.
Антон сжал руку Ольги.
— Беги, — прошептал он.
— Я не оставлю тебя.
— Ты уже оставила.
Эти слова были произнесены не зло. Скорее устало. Имен-

но поэтому Ольга отпустила его.

Женщина в платке рванулась к ней.

Ольга успела увидеть, как лицо под тканью раскрывается сразу в нескольких местах: десятки ртов, каждый с чужим голосом, каждый зовёт кого-то по имени.

Она выскочила за дверь и захлопнула её.

Замка не было. Она прижалась к металлу плечом. С другой стороны никто не толкал.

Только тихо постучали.

Три.

Четыре.

Потом голос Антона сказал:

— Не отвечай, если позовёт отцом.

Ольга побежала.

Проход оказался не таким, как раньше. Теперь это была лестничная клетка их дома, но вытянутая вертикально. Ступени уходили вверх и вниз. На площадках стояли двери квартир, почтовые ящики, детские велосипеды. Некоторые двери были открыты. За ними виднелись кухни, коридоры, спальни. В каждой комнате кто-то сидел спиной к выходу.

Она спустилась на один пролёт и оказалась на четырнадцатом этаже.

Ещё один пролёт вниз — на первом.

Она бежала, пока не заболели бока. Цифры на стенах менялись: 7, 6½, 3, 0, 7. Лампы гасли по очереди. За дверями люди начинали поворачиваться.

На площадке с надписью «6½» она увидела Краснова.

Он сидел на ступенях с керосиновой лампой в руке.

— Сюда, — сказал он.

Ольга остановилась.

— Где мой муж?

— Остался.

— Верните его.

— Нельзя.

— Там мой сын.

Краснов посмотрел на неё.

— Ваш сын вас отпустил?

Она не ответила.

— Значит, это действительно ваш сын.

Он взял её за руку и потянул в боковой проход. За спиной раздался звук открывающегося лифта.

— Не оглядывайтесь, — сказал Краснов.

Они шли по узкому тоннелю. Стены были кирпичными, местами обитыми деревом. Под ногами звенела вода. Лампа бросала дрожащий свет. В одном месте потолок опускался так низко, что пришлось наклониться.

Позади послышались шаги.

Сначала одни.

Потом вторые.

— Быстрее, — сказал Краснов.

— Кто там?

— Не считайте.

Шаги приближались.

Голос Геннадия позвал:

— Ольга, подожди.

Она остановилась.

Краснов выругался.

— Идите.

— Это муж.

— Нет.

— Он идёт за нами.

— Не слушайте.

— Ольга, — повторил Геннадий. — Мне больно.

Она обернулась.

В конце тоннеля стоял Геннадий. Один. Без шарфа, без пальто, в домашних носках. Его лицо было окровавлено.

— Помоги, — сказал он.

Ольга сделала шаг.

Краснов поднял лампу.

Свет упал на пол.

У Геннадия не было тени.

Зато за ним стояла женщина в коричневом платке. Её руки лежали у него на плечах. Пальцы уходили глубоко под кожу.

— Не смотри на неё, — сказал Геннадий.

Ольга закрыла глаза.

Краснов потянул её дальше.

— Он уже не ваш.

— Отпусти меня!

— Ваш муж остался там. Это дорога приняла его лицо.

Голос Геннадия стал удаляться.

— Ольга, не бросай меня.

Потом голос изменился.

— Ольга Николаевна, — произнёс он официально. — Вы обязаны явиться для опознания.

Она закричала.

Краснов толкнул её вперёд.

Впереди показалась деревянная стенка. Он ударил по ней плечом. Доски подались. Они вывалились в комнату Антона через шкаф.

Свет горел.

Часы на кухне показывали 2:17.

За окном проезжал трамвай.

Краснов обернулся и захлопнул дверцы шкафа. Потом придвинул к нему стол.

— Помогите.

Они вдвоём придавили шкаф. Внутри что-то глухо ударило.

Один раз.

Второй.

После третьего удара всё стихло.

Ольга сползла по стене на пол.

Краснов стоял, тяжело дыша. Из его рукава капала кровь.

— Где Геннадий? — спросила она.

Он не ответил.

— Где он?

— Вы сами видели.

— Я видела, что он идёт за нами.

— Нет.

— Вы не имеете права…

— Имею.

Он сел на корточки перед ней. Его лицо было мокрым от пота.

— Я там двадцать лет проработал. Сначала лифт был обычный. Потом на шестом стал останавливаться. Люди жаловались, что слышат родственников. Мы думали — акустика. Потом пропал пассажир. Потом ещё один. Один вернулся.

— Кто?

Краснов посмотрел на шкаф.

— Я.

Ольга молчала.

— Только я не весь вернулся, — добавил он. — Поэтому и слышу.

Он закатал рукав. На предплечье виднелись тонкие чёрные линии, похожие на швы. Они шли от запястья к локтю и исчезали под кожей.

— Что это за место?

— Не знаю.

— Вы двадцать лет туда ходите и не знаете?

— Хожу, чтобы оно не выходило.

Он встал.

— Теперь слушайте. До утра не открывайте окна, двери, шкафы. Не отвечайте на звонки. Если муж вернётся, не впускайте.

— А если это будет он?

— Не будет.

— Вы не знаете!

— Знаю.

— Почему?

Краснов посмотрел на неё своими неровными зрачками.

— Потому что он звал вас по имени. Те, кто остаётся, имени больше не помнят.

*

6

Утром Геннадия нашли в лифте.

Он сидел на полу, прислонившись к задней стенке. На нём было пальто, которого Ольга не видела со времён похорон Антона. Рядом лежал серый шарф. Врачи констатировали обширный инфаркт. Время смерти установили приблизительно — между двумя и тремя часами ночи.

На площадке собрались соседи.

Тамара Львовна из квартиры напротив держала Ольгу за рукав и повторяла:

— Такой человек был тихий, такой тихий. Я слышала, вы ночью разговаривали. Думала, вернулся кто. Потом стук… Я не стала выходить. Ты уж прости.

— Кто разговаривал? — спросила Ольга.

— Вы с Геной.

— Что он говорил?

Тамара Львовна смутилась.

— Не разобрала. Только он всё: «Не садись, не садись». А вы молчали. А потом будто ещё голос.

— Чей?

Соседка опустила глаза.

— Скажи, Ольга, а Антон же у вас в августе…

Ольга выдернула рукав.

— Да.

Тамара Львовна перекрестилась.

— Ну всё, ну всё. Помолчи.

Краснова никто не видел.

На его двери осталась прежняя надпись: **«Ушёл в шахту. Не ждать»**.

Лифт осмотрели. Неисправностей не нашли. Заднюю стенку кабины заменили, потому что на ней обнаружили глубокие царапины. Один из рабочих сказал, что похоже на следы ногтей. Другой возразил: ногти не оставляют борозд в стали.

Ольга не стала слушать.

Она вернулась в квартиру и закрыла дверь на все замки.

На кухне часы шли.

2:24.

Это было первое, что она заметила.

Второе — на столе лежали три чашки.

В одной оставался чай. Во второй вода. Третья была чистой, но на её краю виднелся влажный след губ.

Ольга вымыла все три.

Потом села и просидела до вечера.

Она пыталась восстановить события. Составить хронологию. Вспомнить, кто где стоял, что именно говорил, какие детали можно проверить. Но чем тщательнее она это делала, тем быстрее распадалась последовательность.

Геннадий умер в лифте. Значит, человек, которого она видела в тоннеле, не мог быть им. Но если он умер между дву-

мя и тремя, а она выбралась в 2:17, он ещё мог быть жив.

Антон погиб в августе. Значит, всё остальное — галлюцинация. Но галлюцинация не оставляет мокрых следов, не царапает сталь и не знает о звонках из больницы.

Она достала телефонную выписку за август.

Раньше не делала этого. Теперь сделала.

Из больничного номера действительно звонили. Два раза. Первый звонок в 1:58, второй в 2:04. Оба на городской телефон квартиры. Длительность — ноль секунд.

Ольга сидела с выпиской в руках.

В ту ночь она была на выезде. Геннадий мог не слышать телефон. Мог спать. Мог отключить звук.

Мог разговаривать с кем-то другим.

Она позвонила в больницу и попросила соединить с дежурным врачом, который работал в августе. Ей ответили, что врач уволился. Дали домашний телефон.

Она набрала.

Трубку взяла женщина.

— Алло.

— Здравствуйте. Мне нужен Павел Андреевич Крылов.

— А вы кто?

— Ольга Ветрова. По поводу моего сына. Он у вас был в августе.

Женщина помолчала.

— Павел Андреевич умер.

Ольга сжала трубку.

— Когда?

— В сентябре.

— Мне очень жаль. А вы не знаете, он оставлял какие-нибудь записи? Рабочие бумаги?

— Нет.

— Может быть, дневник?

— Слушайте, — сказала женщина тихо. — Вы Ветрова?

— Да.

— Антона мама?

— Да.

На другом конце послышалось движение. Женщина будто закрыла дверь.

— Он вам письмо оставил.

— Какое письмо?

— Я не вскрывала. Он сказал, если позвоните, передать. А если не позвоните — сжечь.

— Почему?

— Не знаю.

— Я могу приехать.

— Не надо.

— Мне нужно это письмо.

— Не приезжайте. Я… Я вышлю.

— Скажите хотя бы, что в нём?

Женщина заплакала.

— Я не читала.

— Пожалуйста.

— Он после той ночи спать боялся. Говорил, вы подняли трубку.

Ольга перестала понимать.

— Кто — я?

— Вы. Он говорил, кто-то ответил вашим голосом. Сказал: «Я уже поднимаюсь».

Трубка щёлкнула.

Связь прервалась.

Ольга набрала номер ещё раз. Абонент был недоступен.

В тот же вечер она собрала вещи Антона.

Не выбросила — сложила в коробки. Книги, тетради, одежду. Шарф оставила отдельно. Он лежал на столе, сухой, аккуратно свёрнутый. Красная полоса на конце казалась темнее, чем раньше.

В шкафу она проверила заднюю стенку. Дерево было сухим. Никакого прохода. Она простучала каждую доску. Звук везде одинаковый.

На одной доске обнаружилась надпись.

Мелкая, процарапанная чем-то острым:

«МА, НЕ ВЕРЬ ЕМУ».

Ольга провела по буквам пальцем.

Под надписью было другое слово, почти стёртое:

«ПАПА».

Она отошла.

В этот момент в подъезде загудел лифт.

Ольга закрыла глаза.

— Нет.

Кабина поднялась на седьмой этаж.

Двери открылись.

Потом закрылись.

Лифт пошёл вниз.

Она стояла посреди комнаты, прислушиваясь к гудению тросов. На первом этаже он не остановился. Спустился ниже. Здание не имело подвального лифтового хода — по крайней мере, так говорил Краснов.

Гудение продолжалось несколько минут.

Затем стихло.

На кухне зазвонил телефон.

Ольга не двигалась.

Звонок был длинный, пауза, снова длинный. Она считала. После двенадцатого звонка обычно становилось тихо. На этот раз телефон звонил больше минуты.

Потом замолчал.

Она выдохнула.

И тут в комнате Антона раздался щелчок.

Из шкафа донесся голос Краснова:

— Ольга Николаевна, не открывайте лифт.

Она подошла к шкафу.

— Матвей Савельевич?

— Не отвечайте мне, — сказал он. — Слушайте.

Она замолчала.

— Завтра уезжайте. Квартиру не закрывайте. Ключи

оставьте под ковриком. Если возьмёте с собой вещи сына, он пойдёт за вещами. Если оставите — он останется ждать.

— Почему вы мне помогаете? — спросила Ольга.

Голос помолчал.

— Я не вам помогаю.

— А кому?

— Тем, кто после вас будет жить.

За шкафом раздался металлический скрежет.

— Он уже внизу? — спросила Ольга.

— Нет.

— Где?

Краснов ответил не сразу.

— Поднимается.

Связь оборвалась.

Ольга стояла перед шкафом. В квартире было тепло, но её бил озноб. Она посмотрела на коробки с вещами, на шарф, на входную дверь.

Потом взяла телефон и позвонила Игорю.

— Мне нужна машина, — сказала она.

— Сейчас?

— Да.

— Что случилось?

— Гена умер.

Игорь выдохнул.

— Ольга… Господи. Когда?

— Ночью.

— Я еду.
— Не заходи в подъезд.
— Что?
— Остановись напротив дома. Я сама выйду.
— Хорошо.
— Игорь.
— Да?
— Если я не выйду через десять минут, уезжай.
— Ольга…
— Пообещай.
Он помолчал.
— Я поднимусь.
— Нет.
— Ты слышишь себя?
— Пообещай!
— Хорошо. Хорошо, обещаю.
Она повесила трубку.

В прихожей надела пальто, сапоги. Достала сумку с документами. Ничего из вещей Антона брать не стала. Уже стоя у двери, вернулась и сняла с кухонной стены часы.

Положила их в сумку.

Зачем — не знала.

Лифт снова загудел.

Она вышла на площадку и закрыла квартиру. Ключи положила под коврик. На площадке горела лампа. У соседей за дверью лаяла собака.

Лифт поднимался.

Ольга пошла к лестнице.

На площадке ниже она услышала шаги. Кто-то поднимался ей навстречу. Медленно, тяжело. Она остановилась.

Шаги тоже остановились.

Она сделала шаг вниз.

Шаги ответили.

Она вернулась на свою площадку.

Тишина.

Лифт был уже на шестом.

Она нажала кнопку вызова, хотя понимала, что делать этого нельзя.

Индикатор показал **6½**.

Она отступила к двери квартиры.

— Нет, — прошептала она.

Индикатор сменился на **7**.

Двери открылись.

В кабине стоял Игорь.

Он был в кожаной куртке, с ключами от машины в руке.

— Чего стоишь? — спросил он. — Я же сказал, поднимусь.

Ольга смотрела на него.

— Ты обещал.

— Ну и что? Бросить тебя тут?

Он протянул руку.

— Пошли. Внизу менты, скорая. Все ждут.

Она не двигалась.

— Когда ты приехал?

— Только что.

— Как прошёл мимо скорой?

— Что?

— Ты сказал, скорая внизу. Почему никто не поднялся?

Игорь поморщился.

— Ольга, не начинай. Ты в шоке.

Она посмотрела на его обувь.

Ботинки были сухими. На улице шёл мокрый снег.

— Где машина?

— Напротив, как ты просила.

— Номер?

Он улыбнулся.

— Ты что, проверяешь меня?

— Номер.

Он назвал.

Правильно.

Ольга почувствовала, как страх начинает отступать. Может быть, это действительно Игорь. Может быть, он приехал раньше, пока она собиралась. Может быть, скорая уже уехала.

Он шагнул из кабины.

— Пойдём.

Она взяла его за руку.

Рука была холодной.

— Ты замёрз, — сказала она.

— Печка сломалась.

В этот момент снизу, с лестницы, донесся голос настоящего Игоря:

— Ольга! Не заходи в лифт!

Человек перед ней не обернулся.

Он продолжал смотреть ей в глаза.

— Не слушай, — сказал он.

Она попыталась отпустить его руку, но пальцы сомкнулись вокруг её запястья.

С лестницы застучали шаги.

— Ольга!

Двойник потянул её в кабину.

Она уперлась ногой в дверной проём. Сумка упала. Часы выкатились на площадку. Их стрелки быстро вращались против часовой стрелки.

Двойник наклонился к её уху.

— Он оставил тебя внизу, — прошептал он голосом Геннадия.

Ольга ударила его сумкой.

Хватка ослабла.

Она вырвалась и бросилась к лестнице. Навстречу поднимался Игорь. На этот раз ботинки его были мокрыми, лицо красным от бега.

Он схватил её за плечи.

— Ты цела?

— Не подпускай его!

Игорь посмотрел поверх её головы.

В лифте никого не было.

Двери закрывались.

Между ними на мгновение показалось лицо — без глаз, в коричневом платке.

Потом кабина ушла вниз.

Игорь обнял Ольгу.

Она стояла неподвижно, слушая его сердце. Оно билось быстро, неровно. Настоящее сердце. Настоящий человек.

— Машина внизу, — сказал он. — Пойдём.

Она кивнула.

На последнем пролёте она остановилась.

— Что?

— Ничего.

Она посмотрела вверх.

На седьмом этаже хлопнула дверь их квартиры.

Ключи оставались под ковриком.

*

7

Ольга переехала к сестре в Тушино.

Квартиру на Оленьей решили продать, но документы оформлялись долго. Геннадия похоронили рядом с сыном. На кладбище земля была мёрзлой, могильщики долго отогревали её кострами. Ольга стояла между двумя холмиками и не могла вспомнить ни одной молитвы.

Игорь оставался рядом.

Когда гроб опускали, она услышала стук.

Три удара.

Четыре.

Никто больше не обернулся.

Она решила, что это падают комья земли.

После похорон прошло две недели. Ольга вышла на работу. Коллеги старались не оставлять её одну. Сестра по вечерам ставила рядом с ней чашку чая и садилась с вязанием. Они почти не разговаривали.

Ольга начала спать.

И это оказалось хуже бессонницы.

Во сне она снова стояла в кухне между этажами. За столом сидели Геннадий и Антон. Оба смотрели на пустой стул. Женщины в платке не было, но её присутствие ощущалось под столом, в жаре от батареи, в сырости скатерти.

Антон каждый раз спрашивал:

— Ты теперь веришь?

Ольга отвечала:

— Я не знаю.

Он качал головой.

— Надо знать. Иначе она будет приходить по очереди.

— Какой очереди?

Тут появлялся Геннадий. Он клал на стол выписку телефонных звонков и говорил:

— Ты же следователь. Проверь.

Ольга просыпалась с болью в челюсти — так сильно сжимала зубы.

Она попыталась выяснить историю дома.

В архиве жилстроя ей выдали проектную документацию. Дом построили в 1961 году. Лифт установлен в 1963-м. На первоначальных чертежах между шестым и седьмым этажами действительно существовало служебное помещение. Не этаж, а небольшая площадка с доступом к вентиляционным каналам.

В 1964 году помещение заложили.

Причина в документах не указывалась.

Ольга нашла фамилию прораба. Он умер в 1989-м. Его дочь жила в Москве. Ольга позвонила ей.

Женщина выслушала и спросила:

— Вы по поводу лифта?

— Да.

— Отец вам ничего не оставлял?

— Нет. А должен был?

— Он перед смертью всё спрашивал про Ветровых.

Ольга почувствовала знакомый холод в животе.

— Почему?

— Не знаю. Он называл адрес, спрашивал, живут ли там ещё Ветровы. Я думала, бредит. У вас же фамилия Ветрова?

— Да.

— Вы родственники Геннадия Ветрова?

— Я его жена.

Женщина вздохнула.

— Тогда приезжайте. У меня есть коробка.

Ольга поехала в тот же день.

Дочь прораба, Нина Павловна, жила в маленькой квартире возле Войковской. Она была полной, медлительной, с руками, покрытыми пигментными пятнами. На стене висели иконы. Под ними стояла фотография отца в строительной каске.

Коробка оказалась обувной. Внутри лежали письма, тетрадь и пленка.

— Отец работал не только на вашем доме, — сказала Нина Павловна. — Но этот почему-то запомнил. В шестьдесят третьем там несчастный случай был. Не официальный. Рабочего одного не нашли.

— Как звали?

— Краснов, кажется.

Ольга подняла голову.

— Матвей Краснов?

— Может быть. Вы знаете?

— Он лифтёром у нас работал.

Нина Павловна покачала головой.

— Не может быть.

— Почему?

— Отец писал, что он погиб. Или пропал. Я точно не помню.

Она открыла тетрадь.

Страницы пахли старой пылью. Почерк был мелкий, ровный.

14 ноября 1963 г. *Краснов утверждает, что слышит в шахте женский голос. Предупреждали его, чтобы не ходил один. В 23:40 вызван диспетчером на 6-й этаж. Больше не выходил. Кабина обнаружена на отметке между 6 и 7. Двери закрыты. Внутри кровь и женский платок.*

16 ноября 1963 г. *Велено заложить технический проход. Краснов вернулся. Утверждает, что провёл внизу не более часа. Документы при нём, одежда сухая. На вопросы отвечает не сразу. Просит не пускать в дом семьи с детьми.*

19 ноября 1963 г. *Краснов настаивает, чтобы в шахте оставили лампу. Говорит: «Ей свет не нужен, а им нужен». Кому — не объясняет.*

21 ноября 1963 г. *Ночью слышал стук в стене квартиры. Три удара, четыре. Жена говорит, это водопровод. Не спорю.*

Далее шли пропуски. Несколько страниц были вырваны.

На последней сохранившейся странице значилось:

3 марта 1964 г. *Сегодня Краснов сказал, что площадка не существует, пока её не вызовут. Она приходит за одним, а забирает всех, кто узнал. Нельзя оставлять пустую квартиру. Пустое жильё она принимает за открытую дверь. Нужен жилец. Лучше семья. Лучше те, кого она уже знает. Нашёл в старой картотеке фамилию Ветров. Их предки жили на этом месте до дома. Долг семейный. Не понял.*

Ольга перечитала последние строки.

— Что за плёнка? — спросила она.

— Не знаю. У меня нечем слушать.

Ольга забрала её.

В архиве нашёлся работающий магнитофон. Плёнка была старая, ломкая. Запись начиналась с шума и мужского кашля. Потом голос, предположительно прораба, произнёс:

— Двадцать восьмое ноября шестьдесят третьего. Опрошен Краснов Матвей Савельевич. Пусть говорит сам.

Другой голос — молодой, глухой:

— Что говорить?
— Как попал туда.
— На лифте.
— Куда?
Молчание.
— На этаж.
— Какой этаж?
— Не номер. Место.
— Что видел?
— Квартиры.
— Чьи?
— Все.
Прораб кашлянул.
— Женщину видел?
— Видел.
— Кто она?
Пауза затянулась. На плёнке слышалось слабое потрескивание.
Краснов ответил:
— Она не женщина. Она лестница.
— Что это значит?
— По ней поднимаются.
— Кто?
— Те, кого забыли.
Запись обрывалась.
Ольга перемотала плёнку. После пустого участка появил-

ся другой голос.

Она узнала его сразу.

Собственный.

— Матвей Савельевич, откройте. Это Антон Ветров.

Затем голос Антона:

— Ма, я же вижу тебя.

Ольга остановила магнитофон.

На плёнке шестьдесят третьего года была записана её недавняя встреча с Красновым.

Она посидела в тишине, потом включила дальше.

Сначала шипение.

Потом её собственный голос:

— Я не оставлю тебя.

Антон:

— Ты уже оставила.

Дальше — крик, шаги, плач. Звук был такой отчётливый, что она услышала собственное дыхание.

В конце записи Краснов сказал:

— Теперь слушайте. До утра не открывайте окна, двери, шкафы.

А затем ещё один голос, очень тихий:

— Она послушала не в первый раз.

Ольга выключила магнитофон.

В архивном коридоре горели лампы. За стеной кто-то передвигал коробки. Обычные звуки. Обычный день.

Она достала из сумки часы.

Стрелки показывали 2:17.
Хотя по архивным часам было 16:40.
*

8

В начале апреля Ольга вернулась на Оленью улицу.

Она не собиралась заходить в квартиру. Хотела только передать Нине Павловне найденные документы и отдать ключи новому агенту по продаже. Но агент опоздал. Она стояла у подъезда, глядя на окна седьмого этажа.

Окно Антона было открыто.

Она точно помнила, что закрывала его.

Из форточки свисал конец серого шарфа.

Ольга перешла улицу.

В подъезде пахло свежей краской. Стены обновили, почтовые ящики заменили. Дверь Краснова исчезла. На её месте была кирпичная кладка.

Она спросила у проходившей соседки:

— А где лифтёр?

Женщина остановилась.

— Какой лифтёр?

— Краснов.

— Не знаю такого.

— Он здесь жил.

— Тут всегда стена была.

Женщина посмотрела на неё настороженно и пошла дальше.

Ольга поднялась пешком.

На каждой площадке она останавливалась, прислушиваясь. В доме жили люди: играло радио, ребёнок повторял уроки, кто-то ругался на кухне. На шестом этаже пахло пирогами. На седьмом — мокрой краской.

Дверь её квартиры была приоткрыта.

Под ковриком ключей не оказалось.

Ольга толкнула дверь.

В прихожей стояли коробки с вещами Антона. Она оставляла их в комнате. Теперь коробки были выстроены вдоль стены, аккуратно, как перед переездом.

На кухне кипел чайник.

Она вошла.

За столом сидел мужчина в рабочей куртке. Лет шестидесяти, коренастый, с седой бородой. Перед ним лежал проект дома.

— Вы кто? — спросила Ольга.

Он поднял голову.

— Я-то как раз могу спросить.

— Это моя квартира.

— Ваша?

Он достал из кармана бумагу.

— Мне сказали, освободилась. Ремонт делать будем.

— Кто сказал?

— Хозяйка.

— Я хозяйка.

Мужчина посмотрел на неё с сомнением.

— Нет, хозяйка другая. Пожилая. В платке.
Ольга медленно села на стул.
— Где она?
— Вышла.
— Когда?
— Только что. Сказала, вы скоро придёте.
Он налил чай.
— Будете?
— Нет.
— Да вы садитесь нормально. Я не кусаюсь.
Она заметила, что на столе стоят три чашки.
— Вы здесь один?
— Сейчас один.
— А до этого?
Мужчина улыбнулся.
— Вы как на допросе.
Ольга не ответила.
Он пожал плечами.
— Мальчик тут был. Ваш, наверное?
Она сжала край стола.
— Какой мальчик?
— Молодой парень. Лет двадцать. Сказал, вещи собирает.
— Куда пошёл?
Мужчина кивнул в сторону комнаты Антона.
— Там.
Ольга встала.

— Не ходите, — сказал рабочий.

Она обернулась.

Он больше не улыбался.

— Что?

— Хозяйка просила передать: не ходите.

— Почему?

— Не сказала.

Ольга сделала шаг к комнате.

Рабочий вдруг схватил её за руку.

— Послушайте.

Его пальцы были тёплыми, шершавыми. Настоящими.

— Что вы делаете?

— Я тут два дня работаю. Думал, сумасшедшая она. Всё говорила, не открывайте дверь, если мальчик позовёт. Не пейте, если нальёт. Не садитесь на свободный стул. Я думал, старость.

Он говорил быстро, тихо.

— А вчера ночью услышал.

— Что?

— Себя.

Ольга посмотрела на него.

— Я в коридоре стоял, а на кухне кто-то моим голосом с дочкой разговаривал. Она у меня в Оренбурге живёт. А тут будто рядом. Плачет. Говорит: «Пап, выйди к нам». Я чуть не ответил.

Он отпустил её руку.

— А потом мальчик вышел.

— Антон?

— Имени не назвал. Вышел и говорит: «Не пей». Я как раз чашку держал. Он мне её выбил. Хозяйка за ним пришла. Он её не пустил.

— Куда они пошли?

— В комнату.

Ольга подошла к двери.

Изнутри пахло холодом.

— Сын, — позвала она.

Рабочий за её спиной вздохнул.

— Не надо.

Она открыла дверь.

Комната была пуста.

На полу лежали вещи Антона. Не сложенные, а разбросанные. Шкаф стоял на прежнем месте. Задняя стенка его была выломана изнутри.

За ней виднелась лифтовая кабина.

Двери кабины открыты.

На зеркальной стене кто-то написал мокрым пальцем:

«ТЫ ОСТАВИЛА КЛЮЧИ».

Ольга вошла в комнату.

Рабочий позвал:

— Женщина, не надо туда.

Она остановилась перед шкафом.

Из кабины доносился плач ребёнка.

Не Антона. Маленького ребёнка, лет трёх. Он звал маму. Потом к плачу присоединился старик. Потом женщина. Потом мужчина.

Голоса становились громче.

Рабочий сказал:

— Они все там.

Ольга обернулась.

Он стоял в дверях, бледный.

— Кто?

— Все, кого она взяла. Они вас учат, как надо. Чтобы вы пришли.

— Зачем?

Он посмотрел на неё с жалостью.

— Потому что вы не верите, пока не проверите.

Она сделала шаг в кабину.

На этот раз страха почти не было. Была усталость. Тяжёлая, ровная, как земля на гробу. Она подумала, что, возможно, Краснов ошибался. Возможно, всё это время она пыталась спасти не сына, а собственную версию событий. Ту, в которой он умер мгновенно, не звал её, не ждал. Ту, в которой она оставалась хорошей матерью, потому что не знала.

Но если существовало место, где хранились непроверенные свидетельства, она должна была туда войти.

Она была следователем.

Она была матерью.

Оба этих слова теперь означали одно: не отворачиваться.

Она вошла в лифт.

Рабочий крикнул:

— Не садитесь!

Двери закрылись.

Кнопок внутри не было.

Только маленькое окошко диспетчера.

Ольга сказала:

— Я готова посмотреть.

Кабина дрогнула и пошла вниз.

За стенами проносились этажи. Она видела их сквозь щели: кухни, лестничные клетки, больничные палаты, вагоны маршруток, комнаты, где люди спали, не подозревая, что над ними кто-то остановился.

На каждом этаже сидел человек.

На каждом этаже рядом стоял пустой стул.

Лифт остановился.

Двери открылись.

Она снова оказалась на собственной кухне.

Геннадий сидел слева. Антон справа.

Между ними — пустой стул.

На столе лежали документы. Акт осмотра. Телефонная выписка. Свидетельство о смерти. Свидетельство о рождении. Все бумаги, которые она когда-либо использовала, чтобы убедить себя.

Женщины в платке не было видно.

Но из-под стола доносилось её дыхание.

Антон поднял голову.

— Ма, не садись.

Ольга посмотрела на него.

— Ты звонил?

Он кивнул.

— Я слышал?

— Да.

— Почему не взяла трубку?

— Меня не было дома.

Он улыбнулся грустно.

— Я знаю.

Она прижала руку к груди. Сердце билось так сильно, что стало больно.

— Ты мучился?

Антон посмотрел на Геннадия.

Геннадий отвёл глаза.

— Скажи, — попросила она.

— Недолго.

— Ты меня звал?

— Да.

Она закрыла глаза.

Под столом что-то шевельнулось.

— Прости.

— Не надо.

— Прости меня.

— Ма, посмотри на меня.

Она открыла глаза.

Антон был живой. Не серый, не мокрый. Обычный молодой человек в старой футболке, с растрёпанными волосами и родинкой над губой.

— Я не за этим тебя ждал, — сказал он.

— За чем?

— Чтобы ты не села.

Геннадий тихо заплакал.

Ольга подошла к сыну. Обняла его. Он пах табаком, автомобильным маслом и снегом. Она держала его крепко, боясь, что если ослабит руки, всё исчезнет.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я знаю.

— Я не знала, что ты жив.

— Знаю.

— Я бы пришла.

— Знаю.

Он отстранился.

— Теперь иди.

Ольга посмотрела на дверь лифта.

— А ты?

Антон покачал головой.

— Я не могу.

— Почему?

— Я открыл.

— Тогда я останусь.

Он резко взял её за плечи.

— Нет.

Под столом перестали дышать.

Геннадий встал.

— Ольга, уходи.

— Я не брошу вас.

— Ты не бросаешь, — сказал Антон. — Ты просто уходишь.

Он повернул её к лифту.

Двери были открыты. Внутри стоял Краснов с керосиновой лампой.

— Быстро, — сказал он.

Ольга сделала шаг.

И тогда голос из-под стола произнёс:

— Он не твой сын.

Она остановилась.

Антон сжал её руку.

— Не слушай.

— У него нет родинки, — сказал голос.

Ольга посмотрела.

Родинка была на месте.

— Он научился, — продолжал голос. — Они все учатся.

Антон побледнел.

— Ма, иди.

— А если это не ты?

Он закрыл глаза.

На его лице появилось выражение бесконечной усталости.

— Вот поэтому она тебя и выбрала.

Женщина в платке поднялась из-под стола.

На этот раз её лицо было лицом Ольги.

Та же короткая стрижка. Те же очки. Та же родинка над бровью.

— Ты всегда должна проверить, — сказала она.

Краснов выскочил из лифта и поставил лампу между ними.

Пламя взметнулось.

Женщина отшатнулась.

— Идите! — крикнул он.

Ольга побежала.

Антон остался стоять на кухне.

Она обернулась уже из кабины.

— Сын!

Он поднял руку.

Не помахал — просто поднял, как в детстве, когда просил подождать.

Двери закрылись.

Краснов нажал единственную кнопку на стене.

Кабина пошла вверх.

Ольга сползла на пол.

— Он остался.

— Да.

— Я опять его оставила.

— Да.

Она посмотрела на Краснова.

— Зачем вы меня вытащили?

Он держал лампу над её головой.

— Не вас.

— Кого?

Он указал на пол.

Там лежали её часы.

Стрелки шли назад.

— Пока они идут, она не может закрыть этаж. Вы принесли их с собой. Теперь она будет идти за ними.

Ольга схватила часы.

— Что мне делать?

Краснов посмотрел на индикатор.

Цифры менялись: 6½, 7, 8, 9.

— Не останавливайтесь.

Лифт пошёл быстрее.

*

9

Очнулась Ольга на полу своей квартиры.

Было утро.

Дверь в подъезд стояла открытой. Рабочего не было. На кухне чайник оказался холодным и пустым. Коробки с вещами Антона стояли в прихожей. Шкаф в его комнате выглядел целым.

Она проверила заднюю стенку.

Никакого прохода.

Только надпись, процарапанная мелко:

«НЕ САДИСЬ».

Рядом другая, свежая:

«ОНА УЖЕ В ПОДЪЕЗДЕ».

Ольга вышла из квартиры.

На площадке её ждал агент по продаже, молодой человек с красной папкой.

— Ольга Николаевна? Я звонил, вы не отвечали. У вас всё в порядке?

Она посмотрела на лифт.

Индикатор показывал первый этаж.

— Да.

— Я покупателя привёз. Можно посмотреть?

Она хотела сказать «нет». Хотела закрыть дверь, забрать ключи, предупредить. Но вспомнила слова прораба: пустая

квартира — открытая дверь. Нужен жилец. Лучше семья.

За спиной агента стояла женщина с девочкой лет восьми. Девочка держала плюшевого зайца. У зайца одно ухо было оторвано и пришито чёрной ниткой.

— Мы ненадолго, — сказала женщина. — Муж на работе, вечером придёт. Нам очень нравится район.

Девочка смотрела на лифт.

— Мама, а тут можно ездить?

— Конечно.

Ольга почувствовала тошноту.

— Нет, — сказала она.

Женщина не поняла.

— Что нет?

— Квартира не продаётся.

Агент нахмурился.

— Ольга Николаевна, мы же договорились.

— Я передумала.

— Но люди приехали…

— Здесь нельзя жить.

Девочка прижала зайца к лицу.

Женщина взяла её за руку.

— Пойдём, Мила.

— Подождите, — сказал агент. — Может, вы объясните?

Ольга посмотрела на него.

— Здесь умер мой муж.

Он смутился.

— Понимаю. Но в объявлении вы…
— Здесь умер мой сын.
— Соболезную.
— И я не хочу, чтобы здесь умерли вы.
Наступила тишина.
Женщина отступила к лестнице.
— Мы уходим.
Агент закрыл папку.
— Вы могли бы просто сказать, что передумали.
— Я сказала.
Они ушли.
Ольга осталась одна.
Лифт загудел.
Она посмотрела на индикатор.
1
Потом **2**.
Потом **3**.
Она вернулась в квартиру и закрыла дверь.

На кухне поставила три чашки в раковину. Разбила их одну за другой. Потом разбила третий стул. Топориком для мяса, сначала неумело, потом сильнее. Дерево трещало. Одна ножка отлетела под стол. Она почувствовала облегчение, почти радость.

Гул лифта приближался.

Она вытащила из стены телефонный провод. Сняла часы и попыталась разбить их, но стекло не треснуло. Ударила мо-

лотком ещё раз. Циферблат погнулся, стрелки продолжали двигаться.

Входная дверь задрожала.

Кто-то снаружи сказал голосом агента:

— Ольга Николаевна, вы ключи забыли.

Она молчала.

Потом голос женщины:

— Здесь девочка оставила игрушку.

Молчание.

Потом детский голос:

— Тётя, откройте. Мой заяц у вас.

Ольга присела на пол.

Она закрыла уши руками, но голоса проникали сквозь ладони.

— Тётя, он боится.

Лифт остановился на седьмом.

Двери открылись.

На лестничной площадке заскрипели шаги. Много шагов. Люди подходили к двери и вставали рядом.

Она узнавала голоса.

Мать, умершая двенадцать лет назад.

Школьная учительница.

Сосед по даче.

Погибший подследственный.

Каждый называл её по имени.

Каждый просил открыть.

Она сидела на полу, покачиваясь, повторяя:

— Это не вы. Это не вы. Это не вы.

Потом наступила тишина.

И Антон сказал:

— Ма, а если это я?

Она не выдержала.

— Тогда уйди.

За дверью вздохнули.

— Хорошо, — сказал он. — Только ты сама открой. Я не могу уйти, пока ты смотришь через дверь.

Ольга подняла голову.

— Я не смотрю, — сказала она.

— Тогда открой.

— Нет.

За дверью стало тихо.

Она сидела на полу, прижавшись спиной к стене. В одной руке ещё оставался молоток, в другой — часы. Их стекло было разбито, циферблат погнут, но секундная стрелка продолжала двигаться. Маленькие рывки. Щелчок. Ещё рывок. Она следила за ней, потому что боялась услышать собственное дыхание.

— Ма, — снова позвал Антон. — Мне страшно.

Ольга закрыла глаза.

— Мне тоже.

— Ты меня бросишь?

— Нет.

— Тогда открой.

Она прижала часы к груди.

— Нет.

— Почему?

Ольга попыталась ответить, но горло перехватило. Пришлось сделать несколько медленных вдохов, прежде чем слова стали получаться.

— Потому что ты сам просил меня не открывать.

— Когда?

— Когда был собой.

За дверью кто-то тихо засмеялся.

Смех принадлежал не Антону. Он начался низко, почти беззвучно, потом разделился на несколько голосов. В одном слышалась старуха, в другом — ребёнок, в третьем — Геннадий. Последним засмеялся голос самой Ольги.

Она сидела неподвижно.

Смех оборвался.

— Ты не знаешь, какой он, — сказала женщина за дверью. — Ты его не видела.

— Не видела.

— Ты не пришла.

— Не пришла.

— Ты не взяла трубку.

Ольга открыла глаза. Перед ней на полу лежал разбитый стул. Между ножек виднелась тонкая полоса воды. Она медленно вытягивалась из-под входной двери, обходила коврик

и приближалась к её сапогу.

— Да, — сказала Ольга.

Голос стал ближе.

— Ты виновата.

Вода коснулась носка сапога. Кожа сразу промокла. Холод проник в ступню, поднялся к голени. Ольга почувствовала, как немеют пальцы.

— Да, — повторила она. — Я виновата.

За дверью перестали смеяться.

— Но я не открою.

Секундная стрелка остановилась.

В квартире стало так тихо, что Ольга услышала шуршание собственной одежды. Потом из-под двери донеслось долгое, влажное дыхание. Кто-то стоял с другой стороны и принюхивался.

— Если он твой, — сказала женщина, — ты должна его впустить.

Ольга покачала головой.

— Если он мой, он уйдёт.

— А если не сможет?

— Значит, я останусь здесь. Но дверь не открою.

Она говорила и сама понимала: это не спасение. Не победа. Она не узнала главного, не получила доказательства, не вернула сына. Она лишь выбрала место, за пределы которого не могла выйти.

Впервые за много лет следователь Ольга Ветрова прекра-

тила расследование, не установив истины.

Минуту или две ничего не происходило.

Потом за дверью три раза стукнули.

Пауза.

Четыре.

Вода на полу начала отступать.

Она собиралась в тонкие ручейки, ползла обратно к порогу, поднималась по щели, словно втягиваемая чьим-то дыханием. Сапог Ольги остался мокрым, но пол под ним высыхал на глазах.

Последней исчезла влага под дверью.

Голос Антона сказал уже издалека:

— Не смотри в зеркало.

Ольга не ответила.

— Ма, ты слышишь?

Она сжала губы.

— Не смотри, пока я не…

Голос оборвался.

Лифт загудел.

Кабина пошла вниз.

Ольга просидела у двери до рассвета. В пять часов за окнами начал светлеть сырой серый двор. В шесть на лестнице хлопнула дверь соседней квартиры. Кто-то вышел выбросить мусор, поздоровался с уборщицей, спросил, не было ли ночью отключения света. Жизнь продолжалась осторожно, не зная, что делать с собой после темноты.

В семь Ольга встала.

Ноги не слушались. Она добралась до ванной, ополоснула лицо и только потом вспомнила последние слова сына.

Зеркало висело перед ней.

Она успела увидеть своё отражение.

Оно улыбалось.

Ольга не улыбалась.

Она отшатнулась и ударилась спиной о полотенцесушитель. Отражение продолжало стоять неподвижно. Уголки его губ медленно опускались, словно улыбка требовала усилия.

Потом оно подняло руку и прижало палец к губам.

Ольга сорвала с крючка полотенце и закрыла стекло.

Под тканью что-то стукнуло.

Один раз.

Она вышла из ванной, закрыла дверь и долго стояла в коридоре, ожидая продолжения. Но стук не повторился.

На кухне часы показывали 7:03.

Они шли вперёд.

10

Краснов появился через три дня.

Ольга увидела его из окна. Он шёл через двор, сутулясь под мелким снегом, с тяжёлой сумкой в руке. На нём было то же пальто, что и раньше, но правая штанина задралась, обнажив голую лодыжку. Носка на ней не было. Кожа казалась белой, почти прозрачной.

Он поднялся в лифте.

Ольга услышала, как кабина остановилась на седьмом. Двери открылись. Потом раздались его шаги.

В дверь он не постучал.

— Это я, — сказал он из-за двери.

Ольга сидела за кухонным столом.

— Кто — вы?

— Не начинайте.

— Назовите имя.

— Матвей Савельевич.

— Полное.

— Краснов Матвей Савельевич.

— Когда вы родились?

Он помолчал.

— В тысяча восемьсот девяносто восьмом.

Ольга взяла со стола нож.

— В домовой книге написано — в семьдесят втором.

— Это для тех, кто проверяет.

— А вы когда проверяете?

— Когда могу.

Он кашлянул.

— Не открывайте. Я сам войду.

Замок повернулся без звука. Дверь приоткрылась, хотя Ольга запирала её на два оборота. Краснов вошёл боком, держа сумку перед собой. На пороге он остановился и внимательно посмотрел на пол.

— Вода была?

— Да.

— Далеко зашла?

Она показала на сапоги.

Краснов кивнул.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— До вас не дошла.

Он закрыл дверь, но запирать не стал. Прошёл на кухню, поставил сумку на стул. Внутри что-то мягко звякнуло.

Ольга указала ножом на стул.

— Не садитесь.

— Не собираюсь.

Он достал из сумки керосиновую лампу, жестянку с маслом, моток чёрной нити и тонкую тетрадь в клеёнчатой обложке.

— Возьмите.

Ольга не двинулась.

— Что это?

— Правила.

— У меня своих достаточно.

— Ваши здесь не работают.

Он положил тетрадь на стол.

Обложка была тёмно-зелёной, с белыми потёртостями по краям. На первой странице кто-то вывел:

«Для сменного. Не передавать по наследству».

Ниже шли записи разными почерками. Одни строки выцвели, другие были написаны поверх старых. Несколько страниц слиплись.

Ольга прочитала вслух:

— «Не считать голоса. Если начал считать — не останавливаться до рассвета».

— Это не моё, — сказал Краснов. — Старое.

— Что значит — не останавливаться?

— Если остановитесь, оно продолжит за вас.

Она перевернула страницу.

— «Не оставлять лампу без огня». «Не принимать ключи из рук ребёнка». «Если кабина пришла без вызова, проверить, стоишь ли на полу». Что это значит?

Краснов посмотрел на её ноги.

— Иногда пол только кажется полом.

Ольга закрыла тетрадь.

— Я не буду этим заниматься.

— Уже занимаетесь.

— Я остаюсь в квартире. Это всё.

— Она придёт снова.

— Пусть.

— Не только к вам.

Ольга посмотрела на него.

Краснов стоял у окна, положив руку на подоконник. За его спиной виднелись крыши, трамвайные провода, чёрные ветки. В сером дневном свете он выглядел почти обычным человеком. Только тень от него ложилась не на пол, а на стену — вертикально, будто источник света находился под его ногами.

— Что она такое? — спросила Ольга.

— Не знаю.

— Вы уже отвечали. Мне нужно другое.

— Другого нет.

— Люди называли её как-нибудь?

— Называли.

— Как?

Он пожал плечами.

— Хозяйка площадки. Средняя. Лифтёрша. Та, что провожает. В старых бумагах — Приёмщица.

— Приёмщица чего?

Краснов не ответил.

Ольга открыла тетрадь на последней странице. Там был список фамилий. Больше сорока. У некоторых стояли даты.

У других — только адреса.

Последней значилась фамилия Ветрова.

Рядом написали три имени: Антон, Геннадий, Ольга.

Против Антона стояла отметка: **«Открыл»**.

Против Геннадия: **«Сел»**.

Против Ольги место оставалось пустым.

Она положила тетрадь на стол.

— Кто это написал?

— Я.

— Когда?

— После вашего ухода.

— Почему мой сын открыл?

Краснов опустил голову.

— Не спрашивайте.

— Отвечайте.

— Нет.

Она ударила ладонью по столу. Лампа подпрыгнула, чёрная нить скатилась на пол.

— Вы заставляете меня жить рядом с этим и не хотите отвечать?

Краснов медленно поднял нить и начал наматывать её на палец.

— Он слышал вас.

Ольга перестала дышать.

— Меня?

— В лифте. Ещё до аварии. Кабина остановилась между

этажами. За дверью кто-то плакал вашим голосом. Просил помочь. Он открыл.

Ольга села.

Комната качнулась, потом выровнялась. Она почувствовала, что не может удержать спину прямо, и опёрлась локтями о стол.

— Он мне говорил, — прошептала она. — За неделю. «Лифт странно работает». Я не спросила.

— Он не рассказал бы.

— Рассказал бы.

— Нет.

— Вы его не знали!

— А вы не знали, что он слышал.

Ольга схватила чашку и швырнула её в стену. Краснов даже не вздрогнул. Фарфор разлетелся, осколок упал возле его ботинка.

— Значит, это из-за меня, — сказала она.

— Нет.

— Он услышал меня.

— Не вас.

— Откуда вы знаете? Вы там были?

Краснов намотал нить до конца и завязал её узлом.

— Я был на площадке. Видел его.

Ольга подняла глаза.

— И не остановили?

— Не успел.

— Почему?

— Потому что он уже смотрел на неё.

Она закрыла лицо руками.

Краснов стоял молча. Возможно, ему было жаль её. Возможно, он просто ждал, когда она снова сможет слушать.

Через некоторое время Ольга спросила:

— Он мучился? В августе. Когда звонил.

— Не знаю.

— Не лгите.

— Я не лгу. Не знаю.

— А что было на кухне? Там, внизу? Это он?

Краснов посмотрел на тетрадь.

— Иногда.

— Что значит — иногда?

— То, что помнит вас, может быть им. То, что зовёт вас, обычно нет.

— Он меня звал.

— Да.

— Значит, это была не он.

— Не всегда.

Ольга рассмеялась. Смех получился сухой, отрывистый.

— Вы понимаете, что из вас невозможно сделать свидетеля?

— Я не свидетель.

— А кто?

Он подумал.

— Дверной проём.

Краснов подошёл к разбитому стулу, поднял отлетевшую ножку и поставил её вертикально на пол.

— Не надо было ломать.

— Она хотела, чтобы я села.

— Теперь она сможет предложить вам место на полу.

— Вы шутите?

— Нет.

Он собрал остатки стула и сложил их у двери.

— До вечера сделайте новый. Или принесите такой же. Три предмета должны стоять.

— Зачем?

— Пока есть три места, она ждёт третьего. Если мест два, она начинает считать заново.

— И кто будет первым?

Краснов посмотрел на неё.

Ольга кивнула.

— Понятно.

Он достал из кармана ключ и положил на стол. Ключ был длинный, старинный, с тремя бородками.

— Это от технической двери на первом этаже. За мусоропроводом. Там лестница в шахту. Лампу заправлять каждую неделю. Не в одно и то же время. Не по расписанию.

— Вы передаёте мне смену?

— У меня кончается масло.

— А у вас?

Он закатал рукав.

Чёрные линии под кожей стали шире. Между ними виднелись бледные просветы. На мгновение Ольге показалось, что под кожей нет мышц, а только пустота, через которую просвечивает кирпичная стена.

— Я остаюсь всё реже, — сказал Краснов. — Однажды войду в кабину и не выйду. Кто-то должен знать, где лежит ключ.

— Почему я?

— Потому что вы не сели.

— Я могу уехать.

— Можете.

— И оставить всё это вам.

— Можете.

— Вы не будете меня удерживать?

Он покачал головой.

— Дверь не держат за рукав.

Ольга посмотрела на ключ.

Потом взяла его.

11

Весной она снова начала выходить на улицу.

Не сразу. Сначала спускалась только до мусоропровода, потом до магазина, потом до трамвайной остановки. Возвращалась до темноты. Сестра звонила каждый вечер. Ольга отвечала, что всё хорошо, что в доме тихо, что работа помогает.

Она не сказала, что работа теперь заключалась в другом.

По ночам она проверяла лампу в техническом тоннеле.

Тоннель начинался за железной дверью у мусоропровода и шёл вдоль фундамента. В нём пахло керосином, землёй и старой известью. На кирпичах виднелись белые отметки: кресты, стрелки, иногда человеческие имена. Некоторые были вычеркнуты. Ольга не трогала их.

Лампа стояла в нише на глубине двадцати шагов. Она никогда не гасла при Ольге, хотя однажды фитиль догорел почти до основания. Если в лампе плясал огонь, из шахты доносились только обычные звуки. Если пламя становилось неподвижным, за стеной начинали ходить.

Однажды Ольга услышала там детские шаги.

Босые ноги бежали по воде. Ребёнок смеялся. Затем остановился прямо за кирпичной кладкой и сказал:

— Я знаю, что ты тут.

Она молчала.

— У тебя лампа.

Она проверила фитиль.

— Дай посмотреть.

Ольга подняла лампу и пошла дальше.

Ребёнок заплакал.

Плач был такой жалобный, что она остановилась. Внутренний голос, ещё остававшийся голосом следователя, потребовал проверить: вдруг за стеной действительно ребёнок, вдруг кто-то попал в шахту, вдруг правила лишь мешают спасти человека.

Она положила ладонь на кирпич.

Стена была тёплой.

— Тётя, — сказал ребёнок. — У меня нет мамы.

Ольга закрыла глаза.

— И у меня нет, — ответила она и тут же поняла, что нарушила запрет.

За стеной перестали плакать.

— Значит, ты можешь быть моей.

Она отдёрнула руку.

Пламя лампы наклонилось к стене, будто его потянули в щель.

Ольга побежала.

Детский смех следовал за ней по тоннелю. Не отставал и не приближался. Когда она выскочила к мусоропроводу и захлопнула железную дверь, смех оборвался.

На следующий день в двери обнаружилась маленькая вмя-

тина.

С внутренней стороны.

После этого она стала носить с собой моток чёрной нити. Краснов научил её обвязывать ручку технической двери тремя узлами. Если утром один узел оказывался развязан, в доме кто-нибудь слышал родственника. Если два — открывал дверь. Если три — нужно было идти в квартиру и смотреть, сколько там стульев.

Летом пропал жилец с двенадцатого этажа.

Его звали Валерий Сомов, сорок лет, бывший моряк, пил по неделям. Соседи считали, что он уехал к брату. Ольга знала: брата у него не было. За три дня до исчезновения Сомов постучал к ней и спросил, не она ли зовёт его по ночам.

— Я сплю, — сказала Ольга.

— Ну да. Спите.

Он стоял в одной майке, с красным лицом. В руке держал пустую бутылку за горлышко.

— А голос ваш.

— Что голос говорит?

— Просит воды.

— Вы открывали?

Сомов отвёл глаза.

— Один раз.

Ольга почувствовала холод в ладонях.

— Кого увидели?

— Вас.

— Что я делала?

— Стояли у лифта. Говорили: «Валера, дай воды, я сейчас уйду».

— И вы дали?

Он кивнул.

— А потом?

— А потом вы вошли в лифт.

— Одна?

Сомов посмотрел на неё с внезапным страхом.

— С вашим мужем.

Ольга попросила его показать квартиру.

На кухне Сомова стояли два стула. На одном лежала одежда. На другом — мокрое полотенце. Третий он вынес на лестницу неделю назад, потому что сломалась спинка.

— Верните, — сказала Ольга.

— Зачем?

— Нужно.

— Да вы что, все тут с ума посходили?

Он начал кричать, вытолкал её за дверь. Она не стала спорить. Вечером принесла из своей квартиры табурет и поставила у его порога. Утром табурет исчез.

Ещё через два дня исчез Сомов.

В квартире нашли три чашки. Все пустые. На столе лежала бутылка с водой. В ней плавал седой человеческий волос длиной почти в метр.

Ольга сама вызвала милицию, сама дала показания. О Со-

мове рассказала правду, насколько могла. О голосе умолчала. Участковый записал, что пропавший злоупотреблял алкоголем и мог уехать без документов.

— Такое бывает, — сказал он.

— Бывает, — согласилась Ольга.

После его ухода она села на табурет у двери Сомова и просидела до ночи.

В 2:17 внутри квартиры зажёгся свет.

Послышались шаги.

Сомов сказал:

— Ольга Николаевна, я же знал, что вы придёте.

Она не ответила.

— Принесите воды.

Она взяла лампу и спустилась вниз.

В тот вечер она впервые поняла, что ненавидит не женщину в платке. Она ненавидит собственную готовность каждый раз подойти к двери. Даже зная. Даже после всего. Часть её по-прежнему хотела услышать голос, открыть и убедиться.

Эта часть не уменьшалась.

Она только училась молчать.

12

Аркадий Северин пришёл к ней в тёплый дождь.

Он был высоким, узким в плечах, с внимательными глазами человека, который привык искать не предмет, а его отсутствие. Под мышкой держал папку, в руке — мокрый зонт. Пальто на нём было слишком тёплым для погоды.

— Ольга Николаевна Ветрова? — спросил он.

— Кто спрашивает?

— Северин Аркадий Валерьевич. Научный архив.

Он протянул удостоверение.

Ольга не взяла.

— Что вам нужно?

— Вы запрашивали документы по дому. Прораб Нина Павловна… то есть дочь прораба… дала мне ваш адрес.

— Зачем?

— Я занимаюсь городскими легендами.

Ольга посмотрела на него поверх очков.

— Плохо занимаетесь.

Северин чуть улыбнулся.

— Почему?

— Настоящий собиратель не называет это легендами при свидетеле.

Улыбка исчезла.

Он достал из папки фотокопию схемы шахты.

— Откуда у вас это? — спросила Ольга.

— Из другого архива.

— Там не должно быть этой отметки.

— Знаю.

На схеме между шестым и седьмым этажами стояло «6½». Под отметкой другой рукой было написано:

«Северин — смотрел».

Ольга отступила от двери.

— Убирайтесь.

— Подождите.

— Уходите.

— Я не писал это.

— Мне всё равно.

— Я слышал лифт в здании, где нет лифта.

Она остановилась.

Северин говорил тихо, но пальцы его сжимали папку так, что картон согнулся.

— В архиве. Несколько раз. Потом я нашёл эту схему. Нина Павловна сказала, что вы приходили к её отцу. Точнее, к ней. Что вы знаете про Краснова.

Ольга оглядела площадку.

Лифт стоял на первом этаже. За дверью соседки играл телевизор. Из квартиры пахло керосином.

— Вы записываете? — спросила она.

— Нет.

— Диктофон при вас?

Он показал карманы.

— Могу оставить всё у двери.

— Зонт тоже.

— Зонт?

— Он мокрый.

Северин положил зонт на лестнице.

Ольга впустила его.

В прихожей он хотел разуться, но она не разрешила.

— Не снимайте обувь. Вы ненадолго.

Он кивнул, не спросил почему.

На кухне стояли три новых стула. Ольга села на один. Северин остался у стола.

— Садиться нельзя? — спросил он.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Можно. На крайний.

Он сел на крайний слева. Центральный остался пустым.

— Что вы хотите знать?

— Всё.

— Это не ответ.

— Тогда начнём с Краснова.

Ольга достала тетрадь, положила перед собой. Рассказывала долго. Сначала сухо, почти по протоколу. Потом начала останавливаться. Некоторые слова приходилось произносить заново: «шахта», «платок», «кухня», «сын».

Северин не перебивал.

Он записывал от руки. Карандаш часто ломался, хотя был

остро заточен. Когда Ольга рассказала о женщине, лицо которой стало её лицом, Северин перестал писать.

— Вы видели её глаза? — спросил он.

— Не было глаз.

— Потом?

Ольга вспомнила отражение в ванной.

— Не знаю.

— А в зеркале?

Она подняла голову.

— Вы уже видели её?

Северин медленно закрыл блокнот.

— Нет.

— Не лгите.

— Я видел человека, который смотрел на меня из окна архива. Архив на четвёртом этаже. Подоконник с улицы недоступен.

— Какой человек?

— Женщина.

— В платке?

Он кивнул.

Ольга встала, подошла к окну и задёрнула штору.

— Что она делала?

— Стояла.

— Смотрела на вас?

— Нет.

— Куда?

Северин посмотрел на пустой стул.

— На моё отражение в стекле.

Ольга почувствовала тошноту. Она налила воду, выпила залпом. Вкус был металлический.

— Вам нельзя здесь находиться.

— Почему?

— Потому что вы начали её проверять.

— Это моя работа.

— Уходите.

— Ольга Николаевна, если это распространяется, молчание опаснее.

— Нет. Молчание — единственное, что работает.

— Но вы говорите со мной.

— Потому что поздно молчать.

Северин достал из папки плёнку.

Ольга узнала её.

— Где вы это взяли?

— Нина Павловна отдала.

— Я вернула ей.

— Она сказала, что вы оставили плёнку на столе.

— Я отдала в руки.

— Она показала мне коробку. Плёнка лежала внутри.

Ольга села.

Северин положил кассету между ними.

— На ней ваш голос.

— Знаю.

— И голос Антона.

— Знаю.

— Запись шестьдесят третьего года.

— Да.

— Но есть ещё кое-что.

Он перевернул кассету. На обратной стороне карандашом было написано: **«А. В. Северин. Слушать одному»**.

— Это не мой почерк, — сказал он.

Ольга посмотрела на надпись.

— И не мой.

— Я слушал.

Она быстро накрыла кассету ладонью.

— Не рассказывайте.

— Там тишина.

— Тем более не надо.

— Восемнадцать минут.

— Вы считали?

— По счётчику.

Ольга убрала кассету в ящик.

— Больше не слушайте тишину. Никогда.

Северин хотел что-то спросить, но передумал.

В этот момент в подъезде ожил лифт.

Они оба замолчали.

Кабина поднялась с первого этажа. На третьем остановилась. Потом на четвёртом. На пятом не остановилась. На шестом индикатор щёлкнул.

Ольга встала.

Северин тоже.

— Сидите, — сказала она.

Лифт остановился.

Гудение тросов прекратилось.

Из подъезда донесся голос Северина:

— Аркадий Валерьевич, вы оставили зонт.

Настоящий Северин побледнел.

Ольга приложила палец к губам.

Голос повторил:

— Аркадий Валерьевич, зонт мокрый. Он протекает.

Северин посмотрел на дверь.

Его зонт стоял в прихожей, хотя он оставлял его на лестнице. С острия капала вода. Лужа под ним была тёмной, почти чёрной.

— Не отвечайте, — прошептала Ольга.

— Я не…

— Молчите.

За дверью помолчали.

Потом голос Ольги сказал:

— Аркадий Валерьевич, не верьте ей. Она уже сидела на среднем стуле.

Северин посмотрел на кухню.

Центральный стул медленно отъехал от стола.

Сам.

Ножки скрипнули по полу.

Ольга схватила лампу. Фитиль ещё не горел — она держала её незажжённой, потому что керосин закончился. Она чиркнула спичкой. Пламя не появилось.

Голос за дверью продолжал:

— Она говорит вам не отвечать, потому что боится, что вы узнаете.

Северин стоял неподвижно.

Ольга чиркнула второй спичкой.

Не зажглась.

Третья сломалась.

Средний стул отодвинулся ещё.

Из-под стола потянуло влажным теплом.

Северин достал зажигалку.

— Нельзя, — сказала Ольга.

— Почему?

— Она знает ваш голос.

— Она его и так знает.

Он щёлкнул зажигалкой.

Пламя вспыхнуло сразу.

Ольга поднесла фитиль.

Лампа загорелась.

Свет стал жёлтым, плотным. Тени в кухне сдвинулись к стенам. Средний стул остановился.

За дверью женщина в платке вздохнула.

Ольга услышала этот вздох не ушами, а всем телом. В животе похолодело, заныли зубы. Северин опёрся рукой о стол.

Лифт ушёл вниз.
Зонт в прихожей упал.
Когда они вышли посмотреть, его на месте не оказалось.
Осталась только лужа.
В ней плавала белая нитка, завязанная тремя узлами.
Северин наклонился.
— Не трогайте, — сказала Ольга.
Он выпрямился.
— Что теперь?
— Теперь вы уйдёте.
— А вы?
— Я заправлю лампу.
— Она придёт за вами.
Ольга посмотрела на пустой стул.
— Она уже пришла.

13

Северин приходил ещё дважды.

Во второй раз принёс керосин и фотографии дома. Снимки сделал с противоположной стороны улицы. На всех между шестым и седьмым этажами виднелось узкое окно. В нём стояла лампа.

Ольга разложила фотографии на столе.

— Окна нет, — сказала она.

— На снимках есть.

— Я была в этой стене. Там кирпич.

— Может быть, проем с другой стороны?

— Там шахта.

Северин достал лупу.

На одном снимке возле лампы стояла фигура. Он увеличил изображение. Лицо расплылось, но очертания напоминали Ольгу.

Она отодвинула фотографию.

— Не показывайте это другим.

— Почему?

— Она смотрит на того, кто смотрит.

— Вы в этом уверены?

— Нет.

— Тогда это только предположение.

Ольга посмотрела на него с усталостью.

— Вы опять проверяете.

Северин закрыл папку.

— Простите.

— Не извиняйтесь. Просто уезжайте из Москвы.

— Я не могу.

— Можете.

— Теперь уже нет.

Он сказал это спокойно. Ольга поняла, что он слышал голос снова.

Она не стала спрашивать чей.

В последний раз он пришёл с магнитофоном.

— Мне нужно записать ваш рассказ, — сказал он.

— Зачем?

— Для архива.

— Чей архив?

— Пока мой.

— Вы хотите, чтобы другие слушали?

— Если это поможет им не открыть дверь.

Ольга покачала головой.

— Голос на плёнке остаётся голосом. Она умеет пользоваться чужими.

— Тогда без записи.

Он положил магнитофон на стол, но не выключил. Ольга заметила вращение бобины.

— Выключите.

Северин нажал клавишу.

— Она включилась сама, — сказал он.

— Выключите ещё раз.

Он вытащил батарейки.

Бобина продолжала вращаться.

Ольга открыла крышку и выдернула плёнку. Тонкая коричневая лента высыпалась на стол, запуталась вокруг пальцев. Из динамика послышался шорох.

Потом голос Северина произнёс:

— Первые восемнадцать минут — тишина.

Он сам не открывал рта.

Ольга смотрела на магнитофон.

— Уходите, — сказала она.

— Это запись, которой ещё нет.

— Уходите.

— На ней говорите вы.

— Не слушайте!

Голос из динамика стал громче:

— Если запись обнаружат до меня, прошу не стирать тишину. В тишине тоже есть речь.

Северин взял магнитофон. Лента обвила его запястье, как тонкая чёрная жила.

— Это мой голос, — сказал он.

— Да.

— Но я этого ещё не говорил.

Ольга выключила свет.

В темноте магнитофон замолчал.

Они постояли несколько секунд. Потом Северин спросил:

— Что мне делать?

Ольга включила свет.

— Не отвечайте.

— Это всё?

— Это самое трудное.

Он кивнул.

У двери остановился.

— До свидания, Ольга Николаевна.

Она посмотрела на него.

— Не прощайтесь.

— Почему?

— Она запоминает последние слова.

Северин хотел улыбнуться, но не смог.

— Что тогда сказать?

— Ничего.

Он вышел.

Ольга закрыла дверь.

Через минуту в подъезде послышались его шаги. Потом звук лифта. Она не стала смотреть, уехал он на кабине или спустился пешком.

На кухне остался его карандаш.

Она положила его в тетрадь, между страницами.

Вечером заметила, что против её фамилии в списке появилась пометка.

«Записала».

Она ничего не записывала.

14

Последнюю ночь Ольга провела одна.

По крайней мере, так показалось вначале.

Она заправила лампу, проверила техническую дверь, связала три узла. Дом спал. На двенадцатом этаже у Сомова по-прежнему было пусто. Ольга поставила там табурет через день после исчезновения хозяина, но на следующее утро его кто-то придвинул к окну.

Она вернула табурет на кухню.

Больше его не трогали.

В полночь прошёл трамвай. В три пятнадцать должен был пойти обратно. Ольга сидела за столом и слушала стёкла. Часы показывали 1:58.

В 2:04 зазвонил телефон.

Она не подняла трубку.

После двенадцатого звонка стало тихо.

В 2:17 часы остановились.

Ольга ждала лифт, но он не пришёл.

Вместо этого в ванной упало полотенце.

Она повернула голову.

Дверь в ванную была закрыта. Из-под неё выбивалась тонкая полоса света. Ольга не оставляла там включённой лампу.

За дверью кто-то сказал её голосом:

— Можно посмотреть.

Она встала.

— Я не буду открывать.

— Ты уже открыла.

Ольга подошла к двери ванной. Ручка была тёплой. На ней висело полотенце, которым она закрывала зеркало. Ткань промокла насквозь.

Из ванной донеслось движение воды.

— Я не открывала, — повторила Ольга.

— Тогда кто это сделал?

Она взялась за ручку.

Перед тем как повернуть её, посмотрела вниз.

На полу лежали мокрые следы. Они вели не из ванной в коридор, а из коридора в ванную. Обувь на следах была мужская. Размер Геннадия.

Ольга отпустила ручку.

Из-за двери донесся вздох.

— Ты всё ещё проверяешь, — сказал голос.

Она вернулась на кухню, взяла лампу.

Потом открыла ванную.

Зеркало было закрыто полотенцем, хотя она только что видела полотенце снаружи. В раковине стояла вода. На её поверхности плавали волосы. Короткие седые, длинные тёмные и один светлый детский.

Ольга не подошла к зеркалу.

Она сняла его со стены вместе с полотенцем. Стекло оказалось тяжёлым, будто за ним находилась ещё одна рама. Она

завернула зеркало в простыню, стараясь не смотреть на отражённые под тканью огни.

Внутри простыни кто-то шевельнулся.

Ольга вынесла зеркало на лестничную площадку.

Поставила у стены.

Вернулась в квартиру.

В этот момент лифт начал подниматься.

Она осталась на площадке.

Индикатор показывал **1**, потом **2**, потом **3**. На четвёртом этаже кабина остановилась. Ольга услышала голос Тамары Львовны, хотя соседка жила на седьмом:

— Оленька, это ты там?

Она молчала.

Кабина пошла выше.

На пятом этаже голос Сомова сказал:

— Воды принесла?

На шестом — голос Краснова:

— Не входите.

На отметке **6½** кабина остановилась.

Несколько секунд было тихо.

Потом Антон сказал:

— Ма, я вышел.

Ольга закрыла глаза.

— Нет.

— Я не прошу открыть. Дверь уже открыта.

Она посмотрела на свою квартиру.

Дверь действительно была открыта.

На кухне горел свет. За столом сидели три человека. Она не видела лиц, только спины: Геннадий слева, Антон справа. На среднем стуле сидела она сама.

Фигура на среднем стуле повернулась.

У неё было лицо Ольги, но без очков. На губах — осторожная улыбка, которую Ольга видела в зеркале.

— Ты можешь уйти, — сказала фигура. — Я останусь вместо тебя.

Лифт продолжал стоять между этажами.

Ольга перевела взгляд на зеркало у стены.

Простыня сползла.

В стекле отражалась площадка, лифт, дверь квартиры. Но самой Ольги в отражении не было.

Вместо неё стояла женщина в коричневом платке.

Она держала лампу.

Фигура на кухне повторила:

— Уходи. Ты устала.

Ольга почувствовала, что это правда.

Усталость была сильнее страха. Сильнее вины. Она устала считать стулья, проверять узлы, не отвечать. Устала каждый вечер ждать 2:17. Устала быть дверью, которую никто не видит.

Она могла спуститься по лестнице. Выйти из дома. Сесть на первый трамвай. Доехать до сестры. Оставить ключи под ковриком.

Но в тетради Краснова против её имени было пусто.

А на кухне уже кто-то сидел.

Ольга подняла зеркало и поставила его обратно простынёй к стеклу.

Потом вошла в квартиру.

Фигуры за столом исчезли.

Не встали, не вышли — просто перестали быть между одним взглядом и другим. Стулья остались на местах. На среднем лежал серый шарф.

Ольга взяла его.

Шарф был холодным.

Она сложила его в сумку вместе с тетрадью и ключами. Документы оставила на столе. Телефонную выписку, акт осмотра, свидетельства о смерти. Всё, что раньше считала доказательствами.

Потом написала одну записку:

Не пускать новых жильцов до прихода сменного. Лампа на первом этаже. Не отвечать. Не садиться на средний стул.

Она хотела добавить имя Краснова, но не стала.

В подъезде лифт вышел на седьмой этаж.

Двери открылись.

Кабина была пуста.

На полу стояла вторая лампа. Горела.

Ольга вошла.

Она не села. Не посмотрела в зеркальную стенку. Не нажала ни одной кнопки.

Перед закрытием дверей из квартиры донёсся голос Антона:

— Ма, ты куда?

Ольга ответила, не оборачиваясь:

— За сменным.

Двери закрылись.

Кабина пошла вниз.

На индикаторе появилось **6½**.

После этого её никто не видел.

ЭПИЛОГ-ОТГОЛОСОК

Из материалов А. В. Северина

Через неделю после нашей последней встречи я позвонил Ольге Николаевне. Телефон не отвечал.

Ещё через два дня я приехал на Оленью улицу. Дверь квартиры была заперта. Ключи лежали под ковриком. Рядом стояло зеркало, завёрнутое в простыню. На ткани виднелись тёмные пятна, похожие на отпечатки ладоней.

В квартире никого не оказалось.

На кухонном столе лежали документы и записка. Часы показывали 2:17. Секундная стрелка двигалась, но минутная оставалась неподвижной.

В ванной отсутствовало зеркало. Кран был открыт. Вода уходила в слив, не наполняя раковину.

Я закрыл кран.

В трубах тут же раздался стук: три удара, четыре.

Я не стал ждать.

Тамара Львовна, соседка Ветровой, утверждала, что видела Ольгу в последнюю ночь. Она вышла на площадку после звонка в дверь, хотя звонка, по её словам, не было.

— Стояла у лифта с лампой, — рассказывала она. — Я спросила: «Ольга, ты куда собралась?» А она говорит: «Сме-

на кончилась». Я говорю: «Какая смена, ты же следователь?» Она посмотрела на меня и говорит: «Теперь нет».

— Она была одна? — спросил я.

Тамара Львовна долго молчала.

— Сначала одна.

— А потом?

— Потом лифт пришёл. Там человек стоял.

— Кто?

— Не разглядела. За стеклом был.

— В лифте нет стекла.

— Ну я же говорю, не разглядела.

Она начала нервно поправлять платок.

— Вы видели его лицо?

— Нет.

— Вспомните.

— Не надо вспоминать.

Она вдруг сказала это резко, почти с испугом.

Я оставил вопрос.

Перед уходом спросил, не слышала ли она ночью лифт после исчезновения Ольги.

— Каждую ночь, — ответила она.

— Останавливается на седьмом?

— Нет.

— А где?

Тамара Львовна посмотрела на дверь квартиры Ветровых.

— Между.

Я забрал магнитофон, который оставлял у Ольги Николаевны. Батареек в нём не было. Плёнка, выдернутая мной из кассеты, снова оказалась заправленной.

На счётчике стояло 32:44.

Я включил воспроизведение.

Сначала слышались шаги. Затем мой собственный голос произнёс фразу, которую я записал в архиве семнадцатого февраля:

— Если запись обнаружат до меня, прошу не стирать тишину. В тишине тоже есть речь. Надо только увеличить громкость.

Далее шёл звук лифта.

На отметке 32:44 второй голос сказал:

— Она поднималась не к сыну.

Я остановил плёнку.

Голос принадлежал Ольге Ветровой.

Но фраза продолжалась. На плёнке после паузы слышалось ещё несколько слов. Их не удалось разобрать при обычной громкости. Я увеличил звук.

Ольга Николаевна сказала:

— Она поднималась к тому, кто слушает.

В этот момент в архивном коридоре загудел лифт.

В здании архива лифта нет.

Я выключил магнитофон, подошёл к двери и прислушался. Кабина остановилась на моём этаже. Двери открылись с мягким металлическим звоном.

За дверью кабинета женский голос произнёс:

— Аркадий Валерьевич, вы оставили запись включённой.

Я не ответил.

Голос повторил моё имя.

Я стоял, держась за ручку. В кабинете тикали часы. По моим расчётам, было около пяти вечера, но стрелки показывали 2:17.

Женщина за дверью сказала:

— Вы хотели знать, кто говорит в тишине.

Я молчал.

Потом из магнитофона за моей спиной раздался мой собственный голос:

— Я слушаю.

Плёнка закончилась.

Бобина продолжала вращаться.

*

Иллюстрация 1 — gray scarf

Иллюстрация 2 — kitchen 6half

17
23
41
8
56
302

Иллюстрация 3 — man without shadow

Иллюстрация 4 — double in elevator

Иллюстрация 5 — change

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД ДО «ПЛОЩАДИ ТРЁХ ВОКЗАЛОВ»

«Порожняк не зови. Порожняк сам приходит — и садится в него тот, кто однажды не забрал пассажира».

Записано со слов дежурной по станции, Кольцевая линия, 1993

1

Поезд, который никто не видел, всегда идёт без опозданий.

В ночь с семнадцатого на восемнадцатое марта 1999 года машинист Виктор Павлович Гусев вёл последний состав по Кольцевой линии. Было 01:47. На перегоне между «Комсомольской» и «Курской» он, как и двадцать лет подряд, сбросил скорость до пятидесяти и не отрывал взгляда от тёмного провала слева.

Там, за чугунными колоннами, стояла станция, которой не существовало.

Тёмная платформа, кафельная полоса, овальные вентиляционные решётки. Три секунды, пока состав проносил её мимо. Виктор знал это место как собственную ладонь: заложенная на годы войны станция, запасной узел, «объект двести четырнадцать». В путевых листах она не значилась. Свет там не включали с сорок четвёртого.

Поэтому, когда в провале мелькнула зажжённая буква «П», Виктор подался вперёд и едва не врезался лбом в стекло.

Поезд уже вышел из-за поворота. Сзади, в пустых вагонах, дребезжали поручни. В кабине пахло озоном и подгоревшей пылью.

Он повёл плечом, размял занемевшую кисть и сказал

вслух:

— Показалось.

Голос прозвучал чужой.

Поезд нёс его к «Курской», к обычному свету, к гудящим платформам. Но где-то в глубине состава, вагона за три, хлопнула дверь. Так хлопают двери, когда в них просовывают руку на самом закрытии.

Виктор посмотрел в кабинный монитор.

В третьем вагоне стоял человек.

Стоял и смотрел в потолок.

Поезд был порожний — он сам закрывал двери на конечной, сам проходил состав. Тридцать четыре минуты назад в вагонах не было ни души.

Виктор снизил скорость. Монитор показывал серую рябь, в которой проступали плечи, кепка, длинное пальто с приподнятым воротником.

Он взял рацию.

— Диспетчер, Гусев. Двести четырнадцатый, перегон «Комсомольская» — «Курская». У меня пассажир в салоне. Повторяю, посторонний в салоне.

Рация шипела.

Потом голос Петровича ответил:

— Вить, ты порожняком идёшь.

— Знаю, что порожняком. В третьем вагоне человек.

— Кто пустил?

— Вот и я спрашиваю — кто.

Петрович помолчал.

— Состав мимо платформы не останавливался?

— Нет.

— Значит, неоткуда ему взяться. Может, тряпка на поручне.

— Тряпка с кепкой?

Виктор снова взглянул в монитор.

Третий вагон был пуст.

Он сбросил газ, потом снова добавил. Пальцы на рукоятке были липкими, хотя в кабине гулял сквозняк.

— Диспетчер, снял. Видимо, рябь.

— Иди в парк, отсыпайся, — сказал Петрович. — У тебя смена с шести.

— До шести ещё жить.

— Ну живи потише.

Виктор убрал рацию. В зеркальце заднего вида, прицепленном к пульту проволокой, отражалась кабина: его лицо, фуражка, часы на браслете.

И второе лицо, стоящее за спиной.

Он обернулся.

Кабина была пуста.

2

Виктору Павловичу Гусеву шёл пятьдесят второй год. В метрополитене он проработал двадцать один из них, из которых девятнадцать — на Кольцевой. Лицо у него было серое, как форменная рубашка, руки в вечных заусенцах, под ногтями — графитная пыль. Он не пил, не курил, в столовой всегда брал первое. Жил один в однокомнатной квартире у «Автозаводской», где пахло ваксой и старыми газетами.

По утрам он варил себе гречку и смотрел в окно на мост через Москву-реку. Дочь Катя, студентка медицинского, звонила по вторникам и субботам. Бывшая жена не звонила вовсе.

После ночной смены Виктор не поехал домой. Он спустился в служебную комнату отдыха, сел на жёсткую койку и долго смотрел в потолок, слушая, как где-то внизу гудят составы. Сон не шёл. Перед глазами стояла буква «П», светившаяся в черноте заложенной станции.

Он знал эту букву.

На станции «Площадь Трёх Вокзалов» до консервации успели смонтировать полтора десятка эмалевых литер над путевой стеной. Буквы «П», «Л», «О»… До слова «ПЛОЩАДЬ» дело не дошло. Так рассказывал инструктор Ковшов, который сам эту станцию видел в сорок четвёртом. Ковшов умер в восемьдесят пятом, за неделю до того, как Вик-

тора поставили на маршрут.

А в восемьдесят первом случилось то, о чём Виктор не рассказывал никому.

В ночь на девятое мая он, молодой помощник, шёл тем же перегоном. Поезд вёл бригадир Обухов. На выходе из-за поворота, на самой границе тёмной платформы, Виктор увидел человека. Человек стоял между рельсами, боком к поезду, с жёлтым рюкзаком через плечо.

— Люди на путях! — крикнул Виктор.

Обухов ударил по экстренному.

Состав встал за одиннадцать метров.

На путях никого не было.

Они шли с фонарями до самой платформы. Никого. Час ждали путейцев. Ничего. Обухов записал: «Ложное срабатывание, посторонних не обнаружено». Виктор стоял рядом и молчал.

Парня с жёлтым рюкзаком так и не нашли. Ни на рельсах, ни на станциях, ни в сводках. А через день Виктор узнал, что в ту ночь на «Проспекте Мира» под поезд попал молодой человек, лицо которого опознать не смогли. Рюкзака при нём не было.

С тех пор каждую ночь на перегоне между «Комсомольской» и «Курской» Виктор смотрел на тёмную платформу чуть дольше, чем следовало.

Он не знал, кого ищет.

Того, кто стоял на путях, или того, кто должен был стоять

на платформе.

3

Следующую смену Виктор отработал как обычно. Маршрут, станции, ровный голос автоинформатора, двери, тоннель. Всё было на месте, кроме одного: в вагонах появлялись пассажиры.

Ночью, в порожняке.

Первый раз он увидел старуху с клетчатым баулом. Она сидела в четвёртом вагоне, прямая, как аршин проглотила. Пальто довоенного покроя, на ногах галоши. Виктор вызвал диспетчера.

— Опять у меня пассажиры.

— Снится тебе, — ответил Петрович.

— Седые волосы, баул. Четвёртый вагон.

— Порожняк пустой. Я по камерам вижу.

Виктор вышел из кабины на ближайшей станции и прошёл состав от головы до хвоста.

Вагоны были пусты.

Только в четвёртом на сиденье осталась тёплая вмятина, а под лавкой лежала пуговица с якорем.

Во вторую ночь в первом вагоне стоял мужчина в кепке-капитанке. Третью ночь в пятом вагоне женщина катила коляску с ребёнком. Виктор видел их в мониторе, видел в зеркальце, иногда — в отражении тёмного стекла кабины, как фигуру, возникающую за спиной.

Но когда оборачивался — никого.

Утром он проверил сводки.

В ночь со старухой на «Таганской» под поезд попал пенсионер. В ночь с кепкой на «Павелецкой» скончался мужчина лет пятидесяти. В ночь с коляской на «Белорусской» скорая увезла молодую мать с грудным ребёнком — женщину сбило током на эскалаторе.

Виктор прочитал сводки дважды. Потом сложил бумаги и убрал в тумбочку.

Руки не дрожали. Они просто стали холодными, как поручни в тоннеле.

На следующий день он пошёл к начальнику смены проситься с ночных маршрутов.

— Зачем тебе? — удивился тот.

— Здоровье.

— Какое здоровье, Гусев? Тебя же комиссия в прошлом году по стеклу провела без замечаний.

— Я плохо сплю.

— Так спи днём.

— Я не об этом.

Начальник снял очки, посмотрел на него с подозрением.

— Вить, ты двадцать лет на линии. Порожняк — это святое. Кого я ночью поставлю? Стажёра?

— Стажёра.

— Ты себя слышишь?

Виктор услышал. Но сказал бы снова. Начальник покачал

головой и подписал перевод только через две недели — «после выхода нового машиниста».

Две недели. Двенадцать ночных смен.

Виктор взял рапорт и вышел.

В коридоре ему встретился Петрович. Тот жевал булку, стоял у окна, глядя на депо.

— Чего мрачный?

— Да так.

— Слышал, ты с ночей снимаешься.

— Просился.

Петрович откусил булку, прожевал.

— А старуху свою так и видел?

— Какую старуху?

— С баулом. Ты ж докладывал.

Виктор остановился.

— Ты говорил, снится.

— Ну мало ли что я говорил.

Петрович посмотрел на него внимательно.

— Вить, у меня на пульте с семидесятого никто посторонних не видел. Порожняк — он пустой. А если кто и едет — значит, это не пассажир.

— А кто?

Петрович доел булку, стряхнул крошки с груди.

— Ты парня с рюкзаком помнишь?

У Виктора ослабли колени.

— Какого парня?

— Жёлтый рюкзак. Восемьдесят первый год. Ты тогда на перегоне сигнал подал. Обухов тебя прикрыл.

— Откуда ты знаешь?

— Я в ту ночь на «Комсомольской» дежурил. Помощником.

Петрович отвернулся к окну.

— Обухов потом ко мне приходил. Пил. Говорил: «Петрович, я его на путях видел, а написал, что не было». Спрашивал, что делать.

— И что ты ему сказал?

— Чтобы молчал.

Виктор сжал зубы.

— А теперь что скажешь?

Петрович долго молчал. По путям внизу прокатился состав, стёкла задребезжали.

— Теперь скажу: если снова увидишь — не останавливайся.

— Почему?

— Потому что они ждут, чтобы ты остановился.

4

Ночью Виктор снова вёл порожняк.

Он старался не смотреть в монитор, но взгляд сам возвращался к серому стеклу. Вагоны были пусты. До «Курской» доехали без происшествий. Потом «Таганская», «Павелецкая», «Добрынинская». Нормальный маршрут. Нормальная ночь.

На «Октябрьской» в первом вагоне села старуха.

Виктор увидел её в момент закрытия дверей. Клетчатый баул, галоши. Она вошла и села лицом к кабине, аккуратно поставив баул между ног.

— Диспетчер, — сказал он в рацию.

— Слышу, — сразу ответил Петрович. — Что?

— Старуха. Первый вагон.

Пауза.

— Опиши.

— Пальто серое, баул клетчатый, галоши. Сидит, смотрит прямо.

Петрович вздохнул.

— Не останавливайся.

— Она же едет.

— Не останавливайся, Вить. Я тебя прошу.

Поезд шёл в тоннеле. Виктор держал рукоятку. Старуха в мониторе не двигалась. Она смотрела в сторону кабины, и

хотя стекло монитора было мутным, Виктор чувствовал её взгляд у себя между лопаток.

На «Парке культуры» двери открылись. Никто не вошёл. Старуха встала, поправила баул и вышла на платформу. Виктор видел, как она медленно пошла вдоль состава, не глядя на выход. У самого края платформы она остановилась и обернулась.

Двери закрывались.

Виктор посмотрел ей в лицо.

У неё не было рта.

То есть он был, но не там, где ожидаешь, — узкая тёмная полоса, будто черта, проведённая ниже подбородка. Старуха подняла руку и помахала ему, как машут провожающие.

Поезд тронулся.

Наутро в сводке напротив «Парка культуры» стояло: «Станция „Парк культуры“. 00:58. Гражданин Н., 1931 г. р., упал на путь. Госпитализирован. Состояние тяжёлое».

Виктор закрыл сводку и долго сидел, не снимая фуражки.

Телефон зазвонил в одиннадцать.

— Пап, привет.

— Катя. Ты почему не спишь?

— Я с ночной смены иду. Устала жутко. Слушай, у тебя голос какой-то.

— Нормальный голос.

— Пап.

Виктор провёл ладонью по лицу.

— Нормальный. Рассказывай, как учёба.

— Зачёты скоро. Я в аптеке ночью подрабатываю, ты же знаешь. На «Комсомольской».

— Знаю.

— Слушай, смешное. Сегодня в четыре утра к нам мужик зашёл. В кепке. Капитанке такой, советской. Говорит: «Дай средство от головы». Я говорю, аптека на платформе закрывается в час, как вы вошли? А он смотрит на меня и говорит: «Я не входил. Я вышел».

Виктор почувствовал, как холодеет трубка в руке.

— Что дальше?

— Я ему валидол дала. Он расплатился копейками. Старыми. Я говорю, не принимаем. А он: «Тогда запиши на меня». И ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.